

**Владимир
КОЛЫЧЕВ**

Мы — одна

БРИГАДА

ЭКСМО

Мы – одна бригада

Владимир Колычев

Мы – одна бригада

«ЭКСМО»

2006

Колычев В. Г.

Мы – одна бригада / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2006 — (Мы – одна бригада)

Они познакомились на зоне, куда попали волею случая и по прихоти судьбы. Игнат избил школьного учителя, который совратил его любимую девчонку. Левка тоже мстил насильникам своей девушки. А Вилли сел за фарцу, которая сейчас называется бизнесом. Но жизнь уже поломана, и обратного пути нет. Откинувшись с зоны, они создали в Москве бандитскую бригаду. Разобрались с конкурентами и постепенно поставили под контроль прибыльную торговлю иномарками. Но тут неизбежны конфликты с другими бандами. Одна из них, бригада Колывана, наехала круто, так что еле живы остались. И решил Игнат укрепить свою бригаду новыми силами, чтобы отомстить...

Содержание

От автора	5
Часть первая	7
Глава перваяИгнат	7
1	7
2	15
3	21
Глава втораяЛева	27
1	27
2	32
Глава третья	38
1	38
2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Колычев

Мы – одна бригада

От автора

По моей инициативе и под эгидой издательства «ЭКСМО» проводится акция «Письма из зоны». Осужденные преступники пишут мне письма с тем, чтобы впоследствии их опубликовали в специальном сборнике. Цель этой акции – донести до людей правду о жизни по ту сторону решетки, развеять сиреневый туман криминальной романтики, предостеречь от ошибок, от тюрьмы и от сумы. Есть покаянные письма, есть просто бесстрастные повествования о своей судьбе, встречаются очень интересные моменты. Скоро будет опубликован сборник «Письма из зоны», но еще до этого выходит моя новая книга, сюжетные линии в которой позаимствованы у авторов этих писем:

«...Впервые на зону я попал вроде бы и по делу, но по большому счету по глупости. Был у меня приятель (другом я его назвать не могу, почему, сами поймете). Он был на три года старше меня, имея за плечами тюремный опыт, весь из себя – кум королю, сват министру. Ну, и у меня ветер в голове, так хочется быть крутым, все такое. В общем, забились мы с ним на одно дело, взломав продовольственный магазинчик в нашем районе. Вернее, все делал Витька, а я всего лишь стоял на шухере. Нагрелись мы не очень, так, с десятков бутылок водки, ящик тушенки, еще там кой чего по мелочи, да и не в том суть дело, сколько взяли. Гульнули мы хорошо, шик-блеск-красота, Соньку за два пузыря раскрутили, все дела. А утром (помню смутно, как это было) за мной пришли. Витьку тоже взяли, но он, гад, все на меня свалил. А у меня в голове блатная романтика, я такой весь в образе, круче только яйца, ну и взял по дураости всю вину на себя. Впялили мне срок – три года, и загремел я на зону. Пацан я не хилый, за себя постоять умел, в обиду себя никому не давал, короче говоря, срок отстоял на одной ноге. Выйдя на волю, хотел устроиться на работу, а нигде не берут, и все из-за моего „волчьего билета“, то бишь судимости, к тому же образования никакого. В общем, куда ни сунься, везде от ворот поворот. Ну, обида меня взяла, и, найдя себе в пособники толкового пацанчика, я пошел на дело. Нам тогда повезло, но на очередном деле мы погорели... А на свободе уже другая жизнь. Мои школьные дружки на „Мерседесах“ раскатывают, поглядывая на меня сверху вниз. Пока я по тюрьмам по пересылкам скитался, они бизнес делали, богатея. И такое зло меня тогда взяло, но не на у них, а на себя. Ведь я мог быть на их месте, если бы тогда не сплеховал. Был бы у меня дом, семья, нормальная жизнь, а так ни кола ни двора, и в голове потухший образ блатной романтики...»

* * *

«...Знаю, что большинство заключенных говорят всем, что они сели в тюрьму ни за что, хотя у многих из них на самом то деле рыльце в пушку. Говорить, что я ангел, я не буду, но и за демона себя не считаю, хотя наше родное, правда, тогда еще советское государство, сделало из меня преступника. За что? А за то, что сейчас называется бизнесом, а тогда называлось спекуляцией или фарцой. Я ни грабил, ни убивал, я всего лишь покупал у иностранцев фирменные вещи, затем выгодно все перепродавая. Может быть, это громко звучит, но я обеспечивал людей заокеанским дефицитом, за что и схлопотал свои четыре года общего режима... Вышел на свободу, а там кооперативы в полный рост, ну, я и развернулся...»

* * *

«...Я очень сильно любил Катю, не представлял без нее своей жизни. Я готов был носить ее на руках, сдувать с нее пылинки. Если раньше мне от девушки требовалось, ну, сами понимаете, что, то с Катей все было по-другому, о сексе даже как-то и не думалось. Сам не знаю, что со мной тогда происходило. Натурально витая в облаках, и я очень боялся упасть, но, увы, упал. Мне больно об этом вспоминать, но я все же готов поделиться с вами своей историей. Катю я любил, об этом я уже говорил. Так вот, возвращались мы с ней из кино, вечер был, темно. Шли мы, значит, шли... Очнулся я в каком-то подвале, руки связаны, ноги тоже, на голове кровь. А Катя моя лежит на диване, а на ней пыхтит какой-то скот, и еще трое держат ее, чтобы она не сопротивлялась... Этих подонков я вычислял по одному, бил жестоко, смертным боем... А после суда Катя сказала мне, что не будет меня ждать. Она сказала, что ей не нужен такой злой и жестокий парень. Я ей пытался объяснить, что мстил за нее. А она мне сказала, что я мстил за себя...»

* * *

У авторов этих писем свои судьбы, реальные, а героев моей новой книги – свои, по большей части вымышленные. Но что-то общее в них есть. В общем, судите сами.

С уважением, ваш Владимир Колычев.

Часть первая

Глава перваяИгнат

1

Юрка намертво прилип глазами к учебнику. За всю свою жизнь он прочел одну книгу – сказку про Колобка. Поэтому Игнату и показался странным этот его интерес к литературе. Он тайком заглянул в книгу. А там... Впрочем, ничего крамольного. Сцена из романа «Молодая гвардия».

«...Раздвинул Вале зубы, заглянул в рот и начал расстегивать ей платье. Валя, заплакав от страха и унижения, быстро начала раздеваться, путаясь в белье. Офицер помогал ей. Она осталась в одних туфлях...»

Теперь Игнат знал, от чего у Юрки разыгралось воображение. Не абы кто, а сам Фадеев бабу голую ему нарисовал. Есть, оказывается, в литературе не скучные моменты...

Сам Игнат прочел немало книг. По литературе у него твердая «четверка». Зато поведение «неуд».

Сегодня он притащил в школу пугач. Ничего особенного. Согнутая у основания трубка, гвоздь буквой «г», тугая резинка. В трубке спичечная сера, от удара гвоздем она взрывается и... В общем, будет весело. Можно бросить эту штуку кому-нибудь под ноги. Одно неосторожное движение, и бабах. Но урок срывать ни к чему. На этой неделе план по залетам выполнен на двести процентов.

Но можно пошалить после урока. Это не проблема – незаметно положить пугач на пол. После звонка толпа ломанется на выход, кто-нибудь наступит на мину, вот будет потеха...

Игнат достал из кармана пугач, стал натягивать резинку. Юрка не отрывал глаз от книги, но его движение заметил.

– Дай сюда! – попросил он.

Игнат пожал плечами и протянул ему трубку. Резинку Юрка натягивал, не отрывая глаз от страницы. И потому нарушил технику безопасности. Пугач громыхнул у него в руках. Ему-то ничего, только уши заложило, а училку едва кондрашка нехватила. Глаза как блюдца, рот наискось. И пронзительный визг.

– Бурлаков! Касаев! Вон из класса!!!

Игнат не заставил себя упрашивать и направился к выходу. Вслед за ним поплелся Юрка. Но Таисия Михайловна не дала им уйти спокойно. Нагнала их в коридоре, взяла обоих под руки, потащила к директору.

Сергей Валентинович рвал и метал.

– Сегодня вы с пугачами балуетесь, а завтра бомбу в школу принесете!.. А ну-ка, голубчики, выверните карманы!

В кармане у Юрки были найдены две сигареты без фильтра, у Игната спички без коробка.

– Вы у нас, оказывается, еще и курильщики! – злорадно раздул ноздри директор. – Курите? – Курим, – покаянно кивнул Юрка.

– Но не в затяжку, – с той же кислой миной уточнил Игнат.

– Сегодня не в затяжку, а завтра в затяжку. Сегодня курите табак, а завтра перейдете на гашиш!.. А может, вы уже? Гашиш?

– Мы не курим гашиш, – мотнул головой Юрка.

– Не курим, – подтвердил Игнат.

– Если узнаю, сразу на учет в детскую комнату поставлю... А может, вас прямо сейчас в инспекцию направить?

– За что? – уныло спросил Игнат.

– А за все хорошее! Кто позавчера дрожжи в туалет бросил?

– Не знаю.

– А я знаю. Вы и бросили!

Как это ни обидно, но директор попал в самую точку. Дрожжи принес Юрка, а Игнат бросил их в «очко». Дерьмо забродило, поднялось, полезло из всех щелей. В общем, толпа повеселилась.

После директорских нравоучений Игнат целую неделю вел себя прилежно. Если, конечно, не считать натертую парафином доску в кабинете химии, а также прибитую к столу любимую линейку математички.

И следующая неделя обошлась без приключений. Канцелярская кнопка, на которую сел Генка Зуйков, не в счет.

Люська Климкина первой заметила странности в его поведении. Ей недавно исполнилось пятнадцать лет. Но выглядела она на все восемнадцать. Сиськи как у взрослой, задница как у технички тети Клавы. Только мало у кого возникало желание потискать ее в темном углу. Люська была толстой и красотой не блистала. И еще языкатая не в меру...

Как-то раз на перемене она подкараулила его и ехидно спросила:

– Игнат, а чего это мы вдруг такие смирные стали?

– Тебе не все равно? – недовольно буркнул он.

– Да мне-то все равно. Просто я подумала, а не влюбился ли ты?

– Чего?! В тебя, что ли?

– А что, в меня нельзя влюбиться? – подбоченилась она.

– Смотри, сама на грубость нарываешься.

– Ох-ох-ох, какие мы грозные!.. Знаю я, ты в Тоньку влюбился!

– В кого?!

Тонька училась в их классе. Красивая девчонка, с этим не поспоришь. Роскошные светлорусые волосы, глаза как у Мальвины. Только Игнат не Буратино, его такой красотой не возьмешь. Его девчонки вообще не интересуют.

Он нагрубил Люське, прогнал ее. После звонка вернулся в класс. Украдкой посмотрел на Тоньку. Она сидела за соседним столом справа через проход. Взгляд сосредоточенный, все внимание на учителя. Руки чинно покоятся на столе, спина ровная. Образец благочестия и прилежания.

Многие девчонки носят короткие платья. Но далеко не у всех такие стройные и длинные ноги, как у Тоньки. И далеко не все во время урока выставляли их напоказ. А она выставляла. Правда, никто на них не пялился. Всем как-то все равно. А вот Игнат неожиданно разволновался. Какая-то жаркая волна поднялась внутри него. И тут же опустилась, только внизу живота осталась щекочущая тяжесть.

Игнат сидел за столом, опершись на него локтями. Голова покоилась на сомкнутых ладонях. Глаза вроде бы устремлены на учителя, но взгляд нет-нет да съезжает на Тонькины ножки. И по лицу ее красивому скользнет, по волосам, по рукам.

Он не сразу понял, что Юрка ткнулся головой в его руку. И не просто ткнулся, а через зазор между рукой и туловищем пялится на Тоньку, вернее, на ее ноги. Дыхание частое, взволнованное. Игнат не нашел ничего лучше, как сунуть ему кулак под нос. И только после этого до него дошло, что этим он как бы взял Тоньку под свою защиту...

Ерунда какая-то. Будет он из-за какой-то девчонки с дружкой своим ссориться. И вообще не нужна ему Тонька... Хотя кто его знает...

А Тонька словно почувствовала что-то. Посмотрела на него, улыбнулась. Как сеть набросила. Игнат понял, что попался. Тонька околдовала его, заворожила... Хотя нет, чешуя все это. Он запросто выбросит эту дуру из головы вместе с ее чарами.

Он в самом деле сумел избавиться от наваждения. Для этого ему понадобилось взорвать взрывпакет в туалете.

Магниевая вспышка испугала и ослепила Егора Матвеева, самого авторитетного пацана из десятого «б». Но тот не знал, кто швырнул в окно взрывпакет. Ну а если бы и узнал, то еще не известно, кому бы досталось на орехи, ему или Игнату. Матвей занимался каратэ в секции какого-то там сенсея. Но вряд ли это давало ему что-то, кроме дешевых понтов. А Игнат с первого класса занимался вольной борьбой, и не раз брал призовые места на юношеских первенствах страны. Да и боксом он одно время всерьез занимался. Бросок у него жесткий, удар тяжелый. Один десятиклассник в это не верил, так до сих пор в гипсе ходит...

И все же у Игната не было никакого желания схлестнуться с Матвеем. А тот в конце концов на него вышел. Подловил его на перемене и предъявил: мол, некому больше было это сделать, только ты, Бурлаков, на такое способен. Игнат отнекивался, а Матвей особо не настаивал. Сделал вид, что поверил ему. Видать, не хотелось ему тоже связываться с Игнатом.

Следующий прикол Игнат отчебучил на уроке физкультуры. Досталось самому учителю.

Физрук у них молодой. Лет двадцать пять, может, чуть больше. На штангиста-тяжеловеса он не тянул, но все равно был довольно крепким на вид мужиком. Высокий, подтянутый. Девчонки считали его симпатичным. Во всяком случае, Ленка Гальцева и Томка Конюшина смотрели на него с обожанием. Тонька же даже не замечала его. Стояла в общей шеренге с отсутствующим видом и думала о чем-то своем.

Дольцев подошел к турнику, показал упражнение. Игнат стоял в шеренге первым. И первым должен был все повторить. С турником он уже давно на «ты». Он получил свою законную «пятерку» и встал в строй. Следующим шел Юрка. Он тоже уважительно относился к спорту и так же без проблем осилил перекладину. И другие пацаны не подвели. А вот с девчонками – беда. У них руки легкие, а задницы тяжелые. Ни одна не смогла справиться с заданием.

Повезло только Тоньке. Но это везение было заключено в руках физрука. Он бережно взял ее за талию, помог запрыгнуть на турник. И когда Тонька поднатужилась, обеими своими пятернями обхватил ее бедра и помог ей перекувыркнуться через перекладину.

Никому не помогал, а Тоньке помог. Уж не для того ли, чтобы облапать девчонку. Внутри у Игната все закипело.

– Денис Андреевич, у вас штаны сзади по шву лопнули! – крикнул он.

Стараясь не светить свои тылы, Дольцев покинул зал. Через минуту вернулся. Бросил на Игната испепеляющий взгляд.

Похоже, он понял, из-за чего Игнат хотел поднять его на смех. И сделал соответствующие выводы. Тоньку за попу он больше не хватал. Зато Игнату объявил холодную войну. Внешне он ничем не выдавал своего враждебного к нему отношения. Но за четверть выставил ему «четверку».

Матери своей Игнат не помнил. Она исчезла из его жизни, когда ему было всего три года. Отец говорил, что они просто разошлись. Но сердобольная соседка просветила его на этот счет. Оказывается, мамаша у него была непутевая. Такая-сякая, бросила мужа и сына на произвол судьбы, а сама укатила куда-то на юга в обществе какого-то заезжего пижона. С тех пор в их городе она больше не появлялась.

Мать у него была настоящей красавицей. После разлуки с ней отец долго не женился, но в конце концов природа взяла свое. Два года назад он привел в дом красивую блондинку, через какое-то время женился на ней.

Марине было слегка за тридцать. Кукольное личико, большие слегка наивные глаза, фигурка – высший сорт. В роль мачехи она вошла легко и непринужденно. К Игнату отно-

силась хорошо, но поблажек не давала. Беспощадно будила его по утрам, заставляла чистить зубы, даже уроки проверяла – оказывается, она неплохо шарила в математике. И он относился к ней серьезно. Как мать ее не воспринимал. Но и за случайную женщину тоже не держал.

Мачеха работала телефонисткой на переговорном пункте. Игнату приходилось видеть ее за кассой. Важная, деловая. И очень красивая. Один мужик за стойкой пожирал ее взглядом. Потом начал сыпать комплиментами, но Марина послала его далеко-далеко. Игнат даже не думал, что это можно делать так вежливо и деликатно.

Марина не крутила хвостом перед мужиками. Но тем не менее отец жутко ее ревновал. Иногда он приходил домой пьяный, и тогда начинался такой сыр-бор, хоть святых выноси. «Потаскуха» – это слово было самым мягким из тех, что он себе позволял.

Утром отец на коленях выпрашивал у Марины прощение, клялся, что впредь ничего подобного не повторится. А через месяц-два снова напивался в хлам и снова устраивал пьяный дебош. В последний раз он даже поднял на Марину руку, ударил ее по щеке. Она убежала в комнату к Игнату, закрылась на замок. Так отец спьяну обвинил ее в том, что она совращает его сына. Утром он снова просил прощения, и Марина снова простила его.

Отец работал главным инженером на оборонном радиозаводе. В доме был достаток. Венгерская гарнитурная стенка, цветной телевизор «Горизонт», мясные блюда три раза в день. Марина была хорошей хозяйкой, в квартире всегда чистота и порядок. Если бы не пьяная ревность отца, все было бы просто замечательно. Но...

В тот день Игнат рано лег спать. Изнурительная тренировка отняла все силы, и нужно было их восстанавливать. Разбудило его легкое прикосновение. Он открыл глаза и увидел Марину. Она сидела на кровати у него в ногах. И смотрела на него с затаенной нежностью.

Она была в домашнем халате, волосы распущены, косметики на лице нет.

– Что такое? – оторопело спросил он.

– Ничего, – робко пожала она плечами. – Просто пришла.

– А отец где?

– На работе. В том-то и дело, что на работе...

Часы на стене показывали половину двенадцатого ночи.

– Он скоро придет.

– Придет, – эхом отозвалась Марина. – Обязательно придет...

В ее голосе звучали тревожные и как будто даже скорбные нотки.

– Он сейчас придет, а ты у меня в комнате... – вслух подумал Игнат.

– Да, ты прав, ему лучше не знать, что я была у тебя, – соглашаясь, кивнула она.

И поднялась, чтобы уйти. В дверях она обернулась. В глазах у нее стояли слезы.

– Игнат, я хочу сказать, что ты очень дорог мне. Как сын, очень дорог. И отца твоего я люблю...

Голос ее дрогнул. Она медленно повернулась к нему спиной и вышла из комнаты. А спустя четверть часа вернулся отец.

– Где эта шлюха? – с порога заорал он.

Послышался топот ног, снова пьяная брань, женский вскрик. Игнат вскочил с постели.

Марина – чудесная женщина. Все чаще он думает о ней, как о своей матери. И он не должен давать ее в обиду. Игнат больше не позволит отцу мारать ее грязными домыслами.

Он быстро оделся, вышел из комнаты. Отца он нашел в спальне. Тот стоял к нему спиной. Пьяно покачивался. И молчал. Марина лежала на постели. Казалось, она плачет, уткнувшись лицом в подушку. Но Игнат не слышал ни всхлипов, ни вздохов. Зато он увидел, как из-под нее по белому покрывалу растекается красное пятно.

Отец понял, что у него за спиной кто-то есть. Медленно повернулся. Глаза на выкате, рот перекошен. Из рук выпал окровавленный нож.

– Что ты наделал? – сдавленно вскрикнул Игнат.

Он оттолкнул отца плечом, бросился к Марине. Взял ее за плечи, развернул лицом к себе. И наткнулся на ее безжизненный взгляд. Из раны в груди тонкой струйкой вытекала кровь. Игнат попытался нащупать пульс, но увя...

– Ты ее убил, – глядя на отца, потрясенно сказал он. – Ты ее убил! Убил!!! Зачем? Что она тебе сделала?

– Она мне изменяла, – жалко пробормотал он.

– Врешь! Ты сам все выдумал!

– Не вру... Сынок, я в самом деле не вру... Марина мне изменяла... Она давно мне изменяет... И твоя мать мне изменяла!

– Так ты что, и мать мою убил?

– Нет, – мотнул головой отец. – Я ее не убивал... Не успел...

– Не успел?! А если бы успел?... Ты придурок. И моя мать правильно сделала, что сбежала от тебя... И Марина собиралась сбежать!

Теперь Игнат знал, почему мачеха приходила к нему этой ночью. Она хотела попроситься с ним. Потому что собиралась бросить отца. А может, она предчувствовала свою гибель. Возможно, она знала, что эта ночь последняя в ее жизни...

– Лучше бы она сбежала, – обреченно кивнул отец.

И направился к телефону. Он сам позвонил в милицию, заявил, что убил человека.

Милиция не заставила себя долго ждать. На отца надели наручники, посадили в зарешеченную машину и увезли. Тело Марины накрыли простыней и отправили в морг. До Игната же никому не было никакого дела. Остаток ночи он коротал в пустой, пропахшей смертью квартире.

Утром он отправился в милицию. Игнату разрешили свидание с отцом, но только вечером. Велели принести с собой теплые вещи, умывальные принадлежности, нательное белье, что-нибудь поесть.

Вечером Игнат снова явился в отделение милиции. Но отца там уже не было. Его уже забрали в городской следственный изолятор. Игнат отправился туда. С горем пополам сумел передать ему вещи, но свидеться с отцом ему не позволили. Велели приходить завтра...

С отцом он все же свиделся. Это был совсем другой человек. Изможденный, осунувшийся, смертельно уставший, густая щетина на впалых щеках. В глазах страх и тоска. Три дня тюрьмы изменили отца до неузнаваемости.

Он сидел по ту сторону перегородки с низко опущенной головой. У него не хватало смелости заглянуть Игнату в глаза.

– Прости, сынок! – всхлипнул он в телефонную трубку. – Сам не знаю, что на меня нашло. Бес попутал...

– Марина тебе не изменяла, – тихо сказал Игнат.

– Изменяла, – покачал головой отец. – В том-то и дело, что изменяла. Но ты сомневайся, сомневайся, – встрепенулся он. – И знай, что Марина была мне хорошей женой, честной и порядочной. И тебе она была доброй матерью... Прости меня, если можешь...

Родственников у Марины не было. Оказывается, она была детдомовской. И со стороны отца некому было прийти на кладбище. Была только его мать, баба Леся. Она привела с собой всех своих подружек.

Баба Леся жила на южной окраине города в небольшом домике. Печное отопление, баллонный газ, вода в колодце, все удобства на улице. Да и район не очень. К тому же до школы очень долго добираться.

В школу Игната не тянуло. Но делать нечего. Учебный год подходил к концу, нужно было готовиться к сдаче экзаменов за восьмой класс.

Баба Леся оставила свой дом на попечение подруг и перебралась в отцовскую квартиру. Этот вариант Игната вполне устраивал. Парень он достаточно взрослый, мог бы жить и само-

стоятельно. Но, во-первых, одному в доме оставаться нельзя – могут и в детдом оформить. А во-вторых, было страшно жить одному там, где произошло убийство. С бабушкой было спокойней.

Игнат шел в школу. И не узнавал себя. Ни малейшего желания хулиганить и дерзить старшим. Учиться тоже не хотелось. Но он понимал, что учиться нужно. Закончить школу, поступить в техникум, затем в какой-нибудь институт, получить образование. Он должен получить профессию, устроиться на приличную работу, чтобы хорошо зарабатывать. Свое будущее он должен ковать собственными руками. Отца у него теперь нет. А без него он может рассчитывать только на себя...

Игнат все чаще стал ловить на себе косые взгляды одноклассников. Учителя усиленно старались не замечать его, как будто он был каким-то заразным, прокаженным.

Он старался не обращать на все это внимания и делал вид, что ничего не происходит. Но осадок на душе становился все тяжелее с каждым днем.

Одноклассники не то чтобы отвернулись от него, но стали сдержаннее в общении. Одна только Тонька посматривала на него с интересом, нет-нет да награждала загадочной улыбкой. Толстая Люська тоже оказывала знаки внимания, говорила утешительные слова, но Игната это лишь раздражало. Другое дело Тонька...

Однажды он увидел ее вместе с авторитетным Егором Матвеевым из десятого класса. Они вместе возвращались домой из школы. Похоже, Матвей имел на нее виды. Еще бы, девочка красивая, сочная, развитая не по годам.

Игнат подкараулил их в парке. Зелень вокруг, сирень цветет, воздух насыщен весенними ароматами, солнышко пригревает. Но эти прелести волновали только Матвея и Тоньку. Егор ей что-то весело рассказывал, она улыбалась. Идут, радуются, щебечут. Игнат подкрался незаметно. Перегородил им путь.

– Игнат! – удивленно посмотрела на него Тонька. – Ты что здесь делаешь?

– Тебя жду.

– Зачем?

– Поговорить хочу.

– О чем?

– А я тебе скажу, о чем. Только пусть этот уйдет, – небрежно повел он головой в сторону Егора.

Матвей завелся с пол-оборота.

– Слышь, а ну вали отсюда, пока цел! – надвинулся он на Игната.

– Сам вали!

Матвей бросился на Игната с криком «кия». Вроде бы в десятом классе учится, а ведет себя как детсадовец. Игнат легко перехватил его ногу, провел прием и свалил Егора на землю.

Тот быстро поднялся. И опять на Игната. Никаких больше каратэ, чисто уличная драка. Но Игнат в отличие от него про вольную борьбу не забывал, и про бокс хорошо помнил.

Матвей оказался достойным соперником. Сумел разбить Игнату губу, припечатать ухо, порвал карман на рубашке. Но и сам он отгреб по полной программе. Разбитый нос, шишка под глазом, признаки асфальтной болезни на щеке. И слезы на глазах.

Избитый в кровь Матвей отступил с угрозами.

Игнат остался с Тонькой с глазу на глаз.

– Ну и что дальше? – с упреком спросила она.

– Теперь и поговорить можно, – сказал он.

– О чем?

– О нас... – бодро начал Игнат, и тут же запнулся.

Не будет же он говорить с Тонькой о любви. Еще чего!

– Ну чего потух? Продолжай! – ехидно усмехнулась она.

Игнат совсем стушевался.

– Ты хочешь, чтобы я с тобой ходила? – спросила Тонька.

Игнат кивнул. Да, он хочет, что бы Тонька дружила с ним, а не с Егором.

– А почему ты думаешь, что я хочу быть твоей подружкой?

– Не знаю, – пожал плечами Игнат.

– А я знаю. Наверное, думаешь, что ты мне нравишься... Может, и нравишься. Только я с тобой дружить не буду. И знаешь почему? Потому что ты ненормальный. Сейчас ты Матвеева избил, а завтра меня убьешь. Ты такой же, как твой отец!

– Отца моего не тронь! – вспыхнул Игнат.

– Эй, ты чего? – робко спросила она.

– Ничего, – остывая, буркнул он. – Отца моего не надо трогать, поняла?

– Поняла.

Он решительно повернулся к ней спиной и направился домой. Настроение ни в дугу. И зачем он только связался с этой дурой?

Учителя продолжали игнорировать Игната. Своим отношением они делали из Игната самую настоящую страшилку для школьников.

Игнат чувствовал, что рано или поздно эта скрытая травля приведет к серьезному конфликту.

Однажды на перемене он стоял в туалете и молча курил. Выбросил сигарету, когда в сортир ворвался физрук. Сегодня была его очередь изобличать злостных курильщиков.

Дольцев зверствовал втихую. Ничего не говоря, достал блокнот и переписал всех, кого застал с сигаретой. Туалет опустел. Остался только Игнат.

– А ты чего стоишь? – грозно спросил Денис Андреевич.

– Вы сейчас уйдете и я сяду...

Для убедительности Игнат расстегнул брюки на штанах.

– Ну, ну...

Физруку просто нечем было крыть, и он отвязался от Игната. Подошел к «очку», в которое смотрели пацаны. Судя по всему, он не знал, зачем они это делали. И возможно, ожидал увидеть в нечистотах Лохнесское чудовище. Заглянул в «очко». А в это время девчонки по ту сторону стены швырнули в яму большой камень. Чтобы распугать подглядывающих пацанов. Откуда им было знать, что место у «перископа» занял физрук.

Струя нечистот выплеснулась из «очка» и «осчастливила» Дольцева поцелуем в лоб.

– Твою мать! – совсем непедагогично отреагировал на это физрук.

Глаза по пять копеек, мокрые волосы всклокочены, лицо искажено гримасой омерзения.

Игнат сделал вид, что ничего не произошло. Но Дольцев не оценил его благородства.

– Ты! – ткнул он в него пальцем. – Ты мне за все ответишь!

Он достал платок, вытер лицо и как ужаленный выскочил из сортира.

На уроке физкультуры Дольцев нагло заявил, что Бурлакову не место в спортивном зале.

– Это еще почему? – удивился Игнат.

– Потому что ты своим поведением позоришь школу!

– Каким таким поведением?

– А таким, преступным! Твой отец убил человека. А как известно, яблоко от яблони недалеко падает. Где гарантия, что ты на моем уроке не убьешь своего одноклассника? Такой гарантии нет! А я за твое преступное поведение отвечать не собираюсь!

Он говорил так, как будто Игнат уже кого-то убил. Можно подумать, он уже состоялся, как злостный душегуб.

Как будто плотина в душе обрушилась. Вся накопившаяся злость мутным потоком обрушилась на физрука.

– Да пошел ты, козел!

– Что ты сказал? – взъярился Дольцев.

– Что слышал!

С гордым видом Игнат направился к выходу из зала. Но взбесившийся физрук нагнал его, схватил за плечо, развернул к себе лицом.

– Я спрашиваю, что ты сказал? – с пеной у рта спросил он.

– Прочисти уши, то и сказал...

Игнат сбросил руку с плеча и продолжал было свой путь. Но сильный толчок в спину впечатал его в дверь.

Это было уже слишком. Игнат повернулся к учителю и бросился на него.

У Дольцева радостно заблестели глаза. Еще бы, у него появилась возможность на законном основании навешать строптивцу горячих трендюлей. Он был на все сто уверен, что справится с Игнатом одной левой. И поплатился за свою самоуверенность.

Игнат бросился ему в ноги. Плечом зафиксировал коленные суставы, руками со всей силы дернул физрука за лодыжки.

Дольцев падал на пол как бревно. Он больно ударился головой. Попробовал подняться, но перед глазами все плыло как при хорошем нокауте.

Игната вызвали к директору школы. Он думал, что Сергей Валентинович сожрет его с потрохами. Но тот сначала внимательно и спокойно выслушал его объяснения. Сказал, покачивая головой:

– Денис Андреевич был в корне неправ. Он не должен был так себя вести. С ним я разберусь лично. Но и ты, Бурлаков, был неправ. Ты не должен был бросаться на учителя с кулаками. Ты хоть понимаешь, что ты был неправ?

– Понимаю, – угрюмо вздохнул Игнат.

– Что еще скажешь в свое оправдание?

– Этого больше не повторится.

– А если повторится?.. Насколько я понял, вы, молодой человек, не умеете контролировать свои действия. Наброситься на учителя с кулаками... И отца в школу не вызовешь, – язвительно усмехнулся Сергей Валентинович. – Как он там, в тюрьме?

– Плохо, – исподлобья глянул на директора Игнат.

– Понятное дело, что плохо. Кому в тюрьме хорошо? И ты мотай на ус, что в тюрьму лучше не попадать ни за какие коврижки!

Как будто кто-то предлагает Игнату коврижки ради того, чтобы он сел в тюрьму.

Игната ни на педсовет не вызвали, ни, тем более, на комиссию по делам несовершеннолетних. Но случилось самое гадкое из всего, что могло быть. Учителя, как сговорившись, перешли к открытой травле.

Это началось на уроке химии. Татьяна Викторовна с важным видом вошла в класс, глянула на учеников поверх очков. Взгляд остановился на Игнате. Лицо исказила гневная гримаса.

– Бурлаков, ты здесь? – возмущенно спросила она.

– Здесь. А что? – удивился он.

– Если ты здесь, то я отказываюсь вести урок. Не хватало еще того, чтобы ты набросился на меня с кулаками!

Химичка ушла, хлопнув дверью.

На уроке физики все повторилось. Учительница отказалась вести урок, потому что якобы боялась Игната.

Травля продолжалась. Учителя все как один отказывались вести уроки. Посыпались протесты родителей. Виноватыми оказались не учителя, а Игнат. Оказывается, своим поведением он позорит честь школы и разлагающе влияет на подрастающее поколение. Было высказано требование избавить школу от его присутствия.

В конце концов Игнат сломался. Избавил себя от присутствия школы. А ведь до экзаменов и свидетельства о восьмилетнем образовании оставалось всего ничего.

2

Игнат всегда с нетерпением ждал лета. Пора каникул, пацанячья вольница от рассвета до заката. Но в этот раз лето принесло ему одни неприятности.

Убийство Марины расследовали недолго. Ни к чему было тянуть резину, если подсудимый полностью признал свою вину. В июле состоялся суд, и отцу зачитали приговор. Поскольку было установлено, что действовал он в состоянии аффекта, с учетом всех смягчающих обстоятельств он получил восемь лет общего режима. Мог бы и высшую меру схлопотать.

Отца ждал этап на зону. Игнат страдал. Но слез не ронял. Слезами отцу не поможешь.

Зато баба Леся плакала навзрыд. Всю ночь. Успокоилась только утром. Хотела подняться с постели, чтобы приготовить внуку завтрак, но не смогла пройти и двух шагов. Покачнулась, хватаясь рукой за спинку кровати, осела на пол. Успела позвать Игната и потеряла сознание.

«Скорая помощь» увезла ее в больницу с диагнозом – инсульт. Врачи повода для надежды не подавали. Но баба Леся все же выкарабкалась с того света. Ожила. Со временем к ней вернулась речь. И даже подвижность. Сначала вернулась функция правой руки, затем левой. Но вот нижняя часть тела осталась парализованной.

Игнат ухаживал за ней как за маленьким ребенком – менял и стирал пеленки, готовил есть, убирал в квартире.

К зиме бабушка окрепла. Наловчилась перебираться с кровати на коляску и обратно. От Игната требовался минимальный уход.

И еще от него требовались деньги. Вся бабушкина пенсия уходила на лекарства, а нужно было не только лечиться, но еще что-то есть. Он продал столовое серебро и выручил за это кое-какие деньги.

А в начале декабря новая напасть. К ним в квартиру пришли представители горисполкома. Игнат решил, что им на дом принесли социальное пособие для больной бабушки. Но, как оказалось, чиновники явились с постановлением о выселении.

Эту квартиру отец получил от завода, значит, она государственная. Бабушка прописана в своем доме. Игнат несовершеннолетний, поэтому никаких прав на квартиру не имеет. На этом настаивал инспектор.

– Но а где мне жить? – спросил Игнат.

– Насколько нам известно, у твоей бабушки имеется жилплощадь, – невозмутимо ответил инспектор.

– А вы видели эту жилплощадь? Там же ни воды, ни газа. Там жить невозможно!

– Ваша бабушка всю жизнь прожила в этом доме. И ничего...

– Моя бабушка – больной человек. Она парализована. Вы понимаете, парализована!

Это какая-то ошибка. Сейчас он все объяснит, чиновник все поймет. Но увы...

– Бабушку мы отправим в дом престарелых...

Игната покорежил цинизм, с которым были сказаны эти слова. И произнес их представитель советской власти – самой гуманной и справедливой в мире!

– А как же я? – возмущенно спросил Игнат.

– А тебя отправим в детский дом. Там тебе будет хорошо.

Чиновник разговаривал с ним, как с малым дитем. И, похоже, всерьез надеялся на взаимопонимание.

– Но я не хочу в детдом! – с ненавистью смотрел на него Игнат. – И бабушку в дом престарелых я не отдам!

– И ты не боишься трудностей?

– Нет!

– Что ж, тогда вы с бабушкой освобождаете квартиру и переезжаете к ней в дом. Тогда никаких приютов...

В детдом Игнат не хотел, с бабушкой расставаться тоже. Поэтому он предпочел перебраться к ней в старый дом. Квартира осталась за государством. За самым великим, самым могучим и, разумеется, самым человечным...

Игнат не хотел поддаваться унынию. Он сильный – он выдержит и этот удар судьбы. К тому же бабушкин дом был не совсем уж и плох. Три комнатки, кухня. Мебель, правда, допотопная. Но никто не лишал его права на мебель из отцовской квартиры. В самое ближайшее время он наймет грузчиков, и они перевезут в бабушкин дом новую мебель и вещи. Кое-что из обстановки можно будет продать на барахолке, а это какие-никакие деньги.

Первым делом Игнат нарубил дров, затопил печь, затем убрался в доме. К этому времени привезли бабушку. Чиновники из горисполкома расщедрились под это дело на «скорую помощь». Правда, на этом вся их «чуткость» и закончилась.

Бабушка была настолько возмущена происходящим, что в буквальном смысле лишилась дара речи. Игнат всерьез опасался, что ее снова хватит удар. Но все обошлось.

Он навел порядок в доме, определил больную в теплую постель. И через два дня смог отправиться в квартиру, которая фактически уже не принадлежала ему.

Квартира была опечатана. Но он открыл дверь и увидел, что мебели и вещей в доме не было. Голые полы и стены.

Игнат обратился в милицию. Там он узнал странную вещь. Оказывается, пока ему не исполнится шестнадцать лет, он не может подать заявление о краже. Но в беде его все же не оставили. Майор из оперчасти участливо объяснил, что пропажу искать будут независимо от того, есть заявление или нет. Он заверил Игната, что мебель, вещи и ценности будут найдены в самое ближайшее время.

По простоте душевной Игнат попросил милиционера разобраться и с самой квартирой. Было у него подозрение, что его выселили незаконно.

Шло время. Пропажу так и не нашли. А вот с квартирой правоохранители в самом деле разобрались. Игнат узнал, что ордер на заселение получил заместитель начальника городской милиции. К пропаже вещей и ценностей он не имел никакого отношения. И чиновники из горисполкома ни в чем не виноваты. Просто воры воспользовались моментом и обчистили квартиру. Об этом Игнату рассказал сам новосел.

В прошлом году Игнат сгоряча оставил школу. Пока есть время, он подготовится к экзаменам и в этом году сдаст их, чтобы затем поступить... Можно поступить в медицинское училище. Он станет медбратом, отслужит в армии и поступит в медицинский институт. Он будет лечить людей. У него есть пример. Врач Одинцов, который лечил его бабушку. Хороший человек, знающий доктор. Игнат хотел быть таким же.

Всю зиму бабушка пролежала пластом. Игнат ухаживал за ней, хозяйничал по дому. И еще успевал штудировать курс за восьмой класс.

На лекарства по-прежнему уходили почти все деньги. Спасибо бабушкиным подругам, они не дали умереть ему с голоду. Но и досыта он ел не так уж часто.

Весной он в одиночку засадил весь огород картошкой. И заработок нашел – устроился грузчиком на товарную станцию-склад. К этому времени ему уже исполнилось шестнадцать лет. И он получил паспорт с пропиской в бабушкином доме.

Растущий организм требовал хорошего питания, а этого Игнат позволить себе не мог. И все же за последний год, особенно за зиму, он прилично прибавил в росте, раздался в плечах. Возмужал. Бригадир грузчиков очень удивился, когда узнал, сколько ему лет. Он давал ему все восемнадцать...

– Ничего, парень ты вроде здоровый. Думаю, что выдюжишь, – решил он.

В тот день бригада разгружала вагоны с бревнами. Труд каторжный. К концу работы Игнат едва держался на ногах.

– Ничего, привыкнешь! – задорно подмигнул ему Архипыч, мужичок с красным носом и гнилыми зубами.

От него разлило перегаром и тухлятиной. И на вид он скорее задохлик, чем амбал. Но вкалывал он наравне со всеми, и сейчас не очень-то был похож на загнанную лошадь.

– К этому не привыкнешь, – ухмыльнулся татарин Равиль.

По своим габаритам он был куда крупней Архипыча, но разгрузка высосала из него все соки. Он обессиленно сидел на дощатом ящике и тяжело дышал через фильтр сигареты.

– Но выдюжить, братан, все равно надо! – ослабил его дружок Геша.

Парень лет двадцати. Худой, но жилистый. Игнат видел, с какой легкостью он ворочает бревна. Даже позавидовал.

Геша вытащил откуда-то из загашника бутылку водки.

Федотыч первым подошел к столу за причитающейся стопкой. Выпил, закусил куском хлеба, крикнул от удовольствия. Архипыч пил жадно, не закусывая, без причмоков. Водка для него не просто удовольствие, без этой гадости ему не жить. Алкаш, одним словом.

Игнату вовсе не хотелось становиться алкашом. Но он все же присоединился к честной компании. Равиль хитро по-татарски улынулся и наполнил стакан до краев.

– Выдюжишь – наш пацан, не выдюжишь – мы тебя и знать не знаем.

Игнат лихо выдохнул из себя воздух и тремя глотками осушил стакан до дна. Закусывать не стал.

– О! Наш человек! – ощерился Равиль.

Двести граммов зараз – это не шутка. Игнат боялся, что сейчас начнет пьянеть. Но в голове лишь легкое волнение. И окрыляющая легкость в теле.

– Братан, еще по одной? – подмигнул ему Геша.

– А запросто! – залихватски улынулся Игнат.

В этот раз ему набросали всего сто грамм.

Он снова выпил. В голове разыгрался настоящий шторм. Закрутило, понесло. Он смутно помнил, как рассказывал о себе, как после попойки возвращался с товарной станции домой, как ложился спать.

Пробуждение было ужасным. Голова раскалывается, во рту помойка, тело ватное, мышцы и кости болят невыносимо. А еще желудок выворачивает наизнанку. А нужно подниматься, готовить завтрак для себя и для бабушки. Да и вообще, дел выше крыши...

Баба Ира явилась к нему в образе ангела-спасителя. Она увидела, с какой жадностью Игнат пьет воду, как его бросает из стороны в сторону. Она принесла рассолу, напоила больного, уложила в постель. А сама принялась хлопотать по дому. И завтрак приготовила, и больную бабушку обслужила. Мир не без добрых людей.

Но благодушный настрой скоро исчез. После обеда Игнату нужно было снова идти на станцию разгружать вагоны, чтобы заработать на кусок хлеба с маргарином вместо масла. А ведь ему не работать, учиться нужно. Всего шестнадцать лет ему, а он должен вкалывать как проклятый.

Он с трудом поднялся с постели, кое-как собрался, под похмельными парусами с попутным ветром добрался до склада. Федотыч встретил его сочувствующим взглядом. Но сразу дал понять, что снисхождения не будет.

В тот день Игнат разгружал мешки с цементом. Семь часов работы как семь кругов ада.

После разгрузки мужики снова собрались в подсобке. Игната чуть не стошнило, когда он увидел бутылку водки. Равиль по-дружески похлопал его по спине. Мол, ничего, сегодня можно и не пить.

Игната несколько не вдохновляла эта попойка. Но идти домой он не мог – все силы остались где-то под шестым вагоном. Он лег на сброшенные в углу пыльные мешки, закрыл глаза и в момент уснул.

Разбудил его Геша. Часы показывали на половину четвертого ночи.

– Проспался, братан? – спросил он.

– Да вроде, – потягиваясь, кивнул Игнат.

Мышцы болели, кости выкручивало наизнанку. Зато его уже не тошнило и голова ясная.

– Домой надо идти, – сказал Равиль.

Им всем троим было по пути.

Игнат шел, с трудом переставляя ноги.

– Что, тяжело? – спросил Равиль.

– Не то слово, – невесело вздохнул он.

– И меня уже заманала эта работа. Мля, как папа Карло впахиваю, а бабок с гульки хрен. Я на зоне и то больше зарабатывал...

Игнат уже знал, что Равиль мотал срок на зоне. В их бригаде чуть ли не половина мужиков за что-нибудь да сидели. Говорят, даже Федотыч был «бугром» на зоне.

– Гонишь ты, – усмехнулся Геша. – На зоне по четвертному за смену не отстегивают. Что там у вас было, отоварка в ларьке за ударный труд?

– Много ты знаешь, – шикнул на него татарин. – Я тебе так скажу, фраерок, может, и не сахарно там, у хозяина. Но зоны я не боюсь. Я там своим всегда буду. А как тебя там примут, я не знаю...

– Да мне и здесь не кисло.

– Не кисло, но медку вдоволь не попьешь.

– А где ты медок в этой жизни видел?

– Я-то видел. А ты нет... Ты уже три года на товарке горбатись. Так и дальше будешь горбатиться, пока не загнешься. Бревно башка попадет, совсем больно будет...

– Да то что больно – это чешуя. А вот на инвалидность перевести могут, – озадаченно почесал затылок Геша.

– Во! И кому ты тогда на фиг будешь нужен? – подхватил Равиль. – Ты вот на Бурлака нашего глянь. Бабуля пластом лежит, и кому есть до нее дело, а? Ты думаешь, козлы из исполкома грева ей дали? Ага, как бы не так! Еще и хату отобрали. Или я что-то не то говорю?

– Отобрали хату, – подтвердил Игнат.

– Бурлак теперь лямку каторжную тянет, чтобы себя с бабкой прокормить. Это чо, по-твоему, нормально?

– Да кто говорит, что нормально? – возмутился Геша. – На вилы пацан попал. И мы можем попасть...

– А мы, братуха, уже попали. Мы все, ты, я, Бурлак, все мы в дерьме по самые уши. Не знаю как вы, пацаны, а я из этого дерьма выбраться хочу.

– Можно подумать, ты один такой, – пробубнил Геша. – Меня эта хрень вагонная самого запарила...

– А тебе, Бурлак, в кайф жилы рвать? – пронзительно глянул на Игната Равиль.

– А я что? Я ж не всю жизнь так ишачить буду, – пожал он плечами. – Я экзамены летом сдам, дальше учиться буду...

– В бурсу пойдешь?

– Да хотя бы в бурсу, – не стал вдаваться в подробности Игнат.

– На степуху не зажируешь. Если тебе вообще какая-нибудь копейка обломится...

– Почему не обломится? Я вообще-то в школе неплохо учился.

– При чем здесь успеваемость? У тебя предок по убойной статье сидит. А это для тебя клеймо на всю жизнь. Зарубят твою стипендию, как пить дать... Тебя вообще со школы за что погнали?

«За то самое и погнали, – подумал про себя Игнат. За то, что отец уголовник. В самом деле, это клеймо на всю жизнь». Одним своим присутствием он пятнал честь советской школы. Учителя дадут ему такую характеристику, с которой он не то что в институт, даже в медучилище не поступит.

– Ты, Бурлак, прокаженный, вот что я тебе скажу! – сделал вывод Равиль. – Такой же прокаженный, как и я сам. Ты думаешь, почему я вагоны разгружаю? От хорошей жизни, да? Да потому что меня с моим волчьим билетом никуда больше не берут... Да лучше баланду тюремную хлебать...

– Ты что, снова сесть собираешься? – удивленно посмотрел на него Геша.

– Ага, счас! Я воробей стреляный. Меня менты хрен повяжут...

– Не понял, у тебя что, с ментами проблемы?

– Да нет, проблем-то у меня как раз нет. Но, как говорится, если нет проблем, их нужно создать... Короче, есть один вариант. Если вы, пацаны, за меня подписываетесь, можно будет повернуть одно дельце...

У Игната болели мышцы и суставы, но с извилинами в голове все было в порядке. Он прекрасно понял, куда клонит хитрый татарин.

– Равиль, а ты за что сидел? – спросил он.

Бывший зэк слегка опешил от столь наглого и неожиданного вопроса.

– Меня, братан, по самой почетной статье по этапу отправили. Я за кражу со взломом срок мотал...

– Мы с корешком хату одну выставили. Хороший навар был. Недельку в кабаке гудели. Менты, правда, падлы, повязали. Зато есть о чем вспомнить...

– И мне есть о чем вспомнить. Такие герои, как ты и твой корешок, отцовскую квартиру до нитки обчистили.

– Да я знаю, ты рассказывал...

Игнат думал, что татарину нечем будет крыть. Но не тут-то было.

– Я тебя понимаю, Бурлак, я тебя очень хорошо понимаю. Знаешь, братан, я долго думал. И понял, что это плохо – людей обижать. Человек всю жизнь горбатится, копит, копит, а тут раз, какие-то деятели, хоп, и нет ничего... Хотя надо еще посмотреть, какие люди. Если такие козлы, которые хату твою отобрали, так таких за радость наказать. Я, братуха, простых людей трогать не собираюсь. А вот государство я бы нагрел. Или тебе, братуха, за державу обидно?

– Чхать я хотел на эту державу! – сказал в сердцах Игнат.

– Ну так чо, Бурлак, ты с нами?

– А что, Геша уже согласие дал?

– А ты как думал, братан? Равиль дело говорит, я за ним и в огонь и в воду! – ослабилась Геша.

– Не, пацаны, я пас! – решительно отказался Игнат.

Равиль помрачнел.

– Да ты не думай, я в ментовку не побегу, – попытался успокоить его Игнат. – Я шкурой никогда не был... К тому же ментов терпеть не могу...

Чтобы возненавидеть ментов, ему хватило того, что в отцовской квартире поселился замначальника ГУВД.

Видимо, Равилью по душе пришлись эти слова. И он сменил гнев на милость.

– Дело говоришь, – кивнул он. – Все менты – козлы! Я помню, ты рассказывал, как в ментовку после кражи пришел. Знаешь, почему заявление у тебя не взяли? Твой возраст здесь не при чем. Просто ментам в падлу было с кражей возиться. У ментов оно как: есть заявление

– есть дело, нет заявления – можно хреном груши околачивать. И с квартирой твоей можно было разобраться. Туфта все это на счет детского дома. Тебя как лоха на пушку взяли. Ты ж молодой, законов ни хрена не знаешь. Потому и сдернулся с хаты, а должен был намертво стоять... Ты хоть и лоханулся, но правильно сообразил, что закон на твоей стороне, да. И менты это поняли. Только карту твою они на себя перевели. Чинушам по шапке, а хату себе. А на тебя, братан, наплевать. Кошка бросила котят, пусть танцуют как хотят...

Игнат понимал, что Равиль нарочно настраивает его против государства. Но ведь при этом он говорил правду. Страшную правду. Против которой не поспоришь.

– Ты, Бурлак, если не хочешь иметь проблем с законом, это твое право. Хочешь идти по этому, как его, истинному пути. Хочешь тонуть в дерьме, тони. Только учти, руки тебе никто не подаст...

– А ты подашь?

– Подам. Но если ты со мной будешь... А ты хочешь быть со мной. Хочешь! Вижу, что хочешь! Только боишься... Если честно, я даже не понимаю, чего тут бояться. Ну, подумаешь, пару мешков с цементом налево двинем...

– Мешки с цементом?

– А ты думаешь, я тебе госбанк предлагаю сделать?.. Не, братуха, я в такие игры не играю. Мой принцип такой: бери ровно столько, сколько унести сможешь, а то ведь и надорваться недолго...

– Не, ну если пару мешков цемента с вагона снять, я согласен, – решил Игнат.

Равиль похвалил его, назвал настоящим пацаном. И отпустил домой. Игнат спал до обеда, а потом снова отправился на станцию-склад.

В этот раз им предстояло разгрузить несколько вагонов с рубероидом. Равиль показал укромное место, куда нужно было втайне от всех снести с десятков рулонов. Игнат легко справился с задачей. Если бы с такой легкостью можно было разгрузить все вагоны...

К концу смены он едва не падал от усталости. Архипыч успокаивал его, говорил, что со временем он втянется в ритм, закалится, и тогда, дескать, любой груз будет по плечу. Только Игнат что-то не больно ему верил.

После работы Равиль отказался от своих законных ста граммов. Игнат и Геша ушли вместе с ним. Им еще нужно было избавиться от краденного товара.

Они без проблем вынесли все рулоны за территорию склада, подтащили к темной дороге. Ничего сложного. Ерунда на постном масле. И зачем Равиль вчера так долго ездил по ушам? Сказал бы сразу, что надо умыкнуть часть груза. Игнат бы сразу согласился. В конце концов в стране Советов почти все мужики живут тем, что наворуют на работе.

Через полчаса подъехал старый раздолбанный «Москвич». Из него вышел мужик с крестьянским лицом. Игнат и Геша помогли загрузить краденый товар. Равиль получил деньги – три мятых пятерки, по одной на брата.

Игнат был доволен. И мужику будет чем крышу на сарае покрыть, и ему в карман кое-что капнет. Пять рублей – это не так уж и мало. По меркам пролетариев, это целая бутылка водки...

Только мужик сел в свою раздолбайку, как со стороны склада послышался какой-то шум. И тут же встревоженный голос Равиля:

– Шухер! Менты!

Игнат не знал, с чего он взял, что это менты. Но вникать не стал. И со всех ног бросился наутек вслед за своими друзьями.

Бежал он не разбирая дороги. Перед глазами мелькали пятки Равиля.

Наконец, Равиль остановился. Осмотрелся, прислушался.

– Кажись, пронесло, – облегченно вздохнул он.

– Зачем бежали? – задыхаясь от нехватки воздуха, спросил Геша. – Это ж не менты были.

– А кто?

– Дружинники.

– Какая в пень разница? Что красноповязочники, что менты, все одно – козлы... Бурлак, ты как? Очко не играет?

– Будь спок, все в ажуре!

Игнату не было страшно. Бурлящий азарт вытеснял все опасения.

– Молоток, так держать! – похвалил его Равиль. – Сразу видно, наш пацан!

На этом они и расстались. Игнат отправился домой. Выспался, привел в порядок бабушку, приготовил обед. Настроение ужасное. Так не хотелось идти на работу. Но деваться некуда. Он связан с проклятой станцией не только трудовым договором. Отныне он состоит в обществе несунув-грузчиков.

Но председатель «общества» явился к нему сам.

– О! Как раз к обеду поспел! – вяло обрадовался Игнат.

– Клево! – осклабился Равиль. – Похавать я люблю... Что там у тебя?

На обед у Игната был борщ.

– Не хило! – похвалил его стряпню Равиль. – Только мяса что-то маловато...

– Так я добавлю!

– Не суетись. Я не про то... Мы вот с тобой щи лаптем хлебаем, да, а кто-то в кабаках с клевыми телками зависает... Вот ты мне скажи, братан, ты бы хотел в кабаке с козырной телкой оттянуться?

– Спрашиваешь.

– Прикинь, да, устрицы там, икра черная, шампанское, да. Музыка играет, ты такой крутой. И бикса у тебя на коленях задницу греет. Ноги у нее длинные, юбка короткая, ты кладешь ей руку на колено, все выше, выше...

– Ты меня на что-то подбиваешь? – спохватился Игнат.

– На большое дело подбиваю.

– А конкретно?

– Я тебе скажу. И знаешь, почему? Потому что у нас с тобой за плечами одно общее дело. И мы этим делом с тобой повязаны. Но дружба, как говорится, дружбой, а показания врозь. Если ты вдруг сдашь меня, то я сдам тебя. А за вчерашнюю кражу ты как минимум на пару лет загремишь...

Игнат все понял. Вчерашнее дело было всего лишь наживкой. Он клонул на нее и целиком проглотил. А Равиль дернул удочку, и он уже на крючке.

А удочку он забрасывал не один, а с Гешей на пару. Неспроста Равиль завел с ним разговор о тяжелой доле грузчиков, Игната к нему приплел. Геша уже тогда был заодно с хитрым татаринком. И вчера про дружинников он нарочно сказал. Чтобы Равиля поддержать. Хотя не было ни ментов, ни дружинников.

Игнат понимал, что его попросту развели. Но злости почему-то не было.

В самом деле хотелось еще раз испытать улетное чувство азарта. Это кайф, своего рода наркотик. И, похоже, он уже на него подсел...

Равиль предлагал ему обчистить железнодорожный вагон, который принадлежал государству. И не грех пустить этот вагон под откос. А потом еще и обмыть удачу в роскошном кабаке с роскошными девочками. Именно это Равиль ему и обещал.

3

Равиль как будто знал, в каком вагоне что находится. Чуть позже Игнат узнал, что действовал он не наобум, а по наводке. И еще он понял, что за ним стоят серьезные люди. Это с

их подачи к распакованному вагону подъехала бортовая машина с выключенными фарами и тихо работающим движком.

Преступники действовали с размахом. Руками Игната. Это он, рискуя своей свободой, вытаскивал из вагона и грузил в машину холодильники в фанерной упаковке.

Борт был загружен под завязку. Игнат думал, что на этом все, но подошла вторая машина.

Страх и азарт перемешались в чудовищный коктейль, который вспенивал кровь и срывал башню. Это был самый настоящий кайф. Но все же Игнат был рад, когда все закончилось.

Они загрузили две машины, закрыли вагон. И растворились в темноте. Никакой милиции, никаких погонь. Так и заскучать можно...

А на следующий день к Игнату снова заявился Равиль. Он принес деньги. Целых четыреста рублей!

– Ни фиги себе! – Игнат не смог скрыть своего восторга.

– А ты думал! – подмигнул ему татарин.

– Лафа!

– Ты чо, с дуба упал? Какая ж это лафа? Мы с тобой по лезвию ножа ходили. А если бы нас повязали?

– Не повязали же!

– Так в том-то и дело, что нет. И хрена когда повяжут!.. Кстати, тут еще одно дельце намечается.

– Когда? – Да скоро. Когда конкретно, нам скажут. А пока велено отдыхать... Ты как хочешь, а я сегодня иду в кабак!

– И я хочу!

– Так в чем же дело?

– Да есть дело, – сдался Игнат. – Со шмотками проблема.

Равиль знал фарцовщика, который в тот же день отгрузил Игнату джинсы, кроссовки и модную майку. Все новенькое, по высшему разряду. И по льготному тарифу. Игнат почему-то решил, что вещи ворованные. Но тут же проглотил эту мысль. Какая ему разница, откуда взялись эти шмотки. Он заплатил за них триста «рэ», и теперь они принадлежат ему.

В ресторан он пошел в обновке. На кармане целых сто рублей. Надо было бы кое-что отложить на черный день. Но душа требовала веселья, и он ничего не мог с собой поделать.

Это был не самый крутой в городе кабак. Но Игнату здесь понравилось. Все, как он хотел. Суетливые официантки, музыка, на столе горячие блюда, салаты, водка. И дежурная бутылка шампанского. На случай, если выгорит вариант с девочками.

Но вариант не выгорал. Путаны в этом кабаке не водились. А залетных девочек, не отягощенных высокой моралью, пока не наблюдалось. Но Игнат не унывал.

Настроение выше крыши. Клевый прикид, бабки на кармане. И сам по себе он не какой-то там рохля. Жесткий независимый взгляд, в плечах косая сажень, крепкие кулаки. И боевой дух на высоте. Он не просто чувствовал себя хозяином положения, но еще и гордился этим.

Равиль налегал на водку. Игнат от него не отставал. И к тому моменту, когда в зале, наконец, появились девочки, он был изрядно навеселе. В голове приятно колыхающийся туман, кровь бурлит в жилах, хочется чего-нибудь остренького и горяченького. Девчонки были сейчас как нельзя кстати.

Игнат наострил лыжи на знакомство. Но девчонки опередили события. Одна из них первой подошла к их столику.

– Приветик! – развязно поздоровалась она.

Игнат не мог поверить своим глазам. Это была Люська Климкина, его бывшая одноклассница.

Она очень изменилась. И притом в лучшую сторону. Из рыхлой толстухи превратилась в сдобную милашку. Смазливое личико, пышные формы.

– Люська, ты-то что здесь делаешь?

– Да вот заглянула на огонек. Можно я присяду?

– Да, конечно, какой вопрос? – заерзал на стуле Равиль. – И подругу свою сюда тащи.

Как будто в противовес ей подруга была худой и тощей как вобла. Ни сиськи, как говорится, ни письки. Но личико довольно-таки симпатичное. Равиль с лету запал на нее. Игнату же доставалась Люська.

– Слышь, Люська, а ты смелая! – пьяно ворочал языком Игнат. – Блин, в школе учишься, а сюда притащилась. А если классная узнает, не боишься?

– Чхать я хотела на классную! – фыркнула Люська. – И на школу тоже. Я в швейном учусь. А там у нас свои порядки...

Она достала сигарету, смачно закурила. Как бы в подтверждение того, что в их ПТУ вольные нравы. И водку она пила с такой легкостью, как будто это был компот. Игнат понял, что проблем с ней не будет.

Равиль с Юлькой потерялись. Игнат остался с Люськой. Ночь, фонари, на дороге шуршат шинами машины.

– Отвези меня домой, – прижимаясь к нему, попросила она.

Такси он ловил полчаса, не меньше. Но ему показалось, что прошло не больше трех минут. Не успел опомниться, а машина уже стоит возле дома, где жила Люська.

– Ко мне пойдешь? – загадочно улыбнулась она. – Я сегодня одна...

Он смутно помнил, как поднимался на этаж, заходил к ней в квартиру. Зато хорошо помнил, как оказался в ее жарких объятиях, как вместе с ней рухнул в постель, как загонял свою мышку в ее норушку...

Люська стонала под ним, извивалась как змея. Музыка и танцы. Игнат был в полном восторге. Но восторга надолго не хватило. Наступило опустошение. После которого он хотел только одного – спать.

Проснулся Игнат утром, в десятом часу. Рядом посапывала Люська. Она спала голышом, подмяв под себя одеяло. Игнат посмотрел на нее и болезненно поморщился. Голова трещит, на душе муть болотная. Если вчера пышные Люськины тела вдохновляли на гусарские подвиги, то сегодня ничего, кроме тошноты, не вызывали.

Игнат попробовал подняться с постели, но Люська тут же пришла в движение, схватила его за руку.

– Ты уже уходишь?

– Да нет, водички бы попить.

– Я сама. Я мигом!

Люська как была голышом метнулась на кухню, вернулась с полным ковшиком. Игнат был сейчас в таком состоянии, когда холодная вода возбуждала куда больше, чем вид обнаженного женского тела.

Люська насильовала его почти всю ночь. И сейчас была не прочь продолжить начатое. Но Игнат охладил ее пыл.

– Скажи, я какую машину тебе больше напоминаю, «ноль первый» «Жигуль» или «четыреста двенадцатый» «Москвич»? – насмешливо спросил он.

– Чего? – непонимающе вылупилась на него Люська.

– Какой я у тебя по счету, ноль первый или четыреста двенадцатый?

Она обратила к нему страдальческий взгляд, хлюпнула носом.

– Прости!

– Чего? – развеселился Игнат. – Я должен тебя простить? За что? Ты что, моей девчонкой была?

– Раньше нет. А сейчас да!

– Может, мне еще и жениться на тебе?

– А ты хочешь?

– Мне всего шестнадцать, – сказал он. – Рано жениться.

– Я ж не говорю, что мы сейчас поженимся, – влюбленно смотрела на него Люська. – Я просто твоей девчонкой буду. А потом ты в армию пойдешь. Я ждать тебя буду...

«А заодно ублажать каких-нибудь хмырей из подворотни», – мысленно добавил Игнат.

– А когда ты из армии вернешься, мы поженимся, – заключила она.

– И ты не боишься? – усмехнулся Игнат. – Я же буйный, весь в отца. Возьму и пришибу тебя ненароком!

– Ты не буйный, – покачала головой Люська. – Ты хороший... Ты знаешь, почему я из школы ушла? Думаешь, швеей-мотористкой хочу стать? Как уж бы! Я не могла оставаться в школе, из которой тебя выгнали!

– Ух ты, круто ты загнула!

– А ты не смейся, ничего смешного нет. Наша школа – дурдом, а учителя шизанутые на всю голову. Твой отец убил мачеху, а ты-то здесь при чем? Почему эти уроды на тебя наехали?

– Потому что уроды. Потому что шизоиды. Это ты правильно сказала...

– Я еще не все сказала...

Люська интригуяще смотрела на Игната. Казалось, она нарочно тянет паузу.

– Говори! – повелся он.

– Я про твою мачеху кое-что знаю.

– Что ты про нее знаешь? – встрепенулся Игнат.

– Я знаю, с кем она гуляла.

– Чего?! Что ты несешь? Она ни с кем не гуляла, поняла!

– Как не гуляла? – удивленно выставилась на него Люська. – А отец твой за что ее убил?

– Ни за что! Крыша у него поехала, вот за что!

– Значит, ты ничего не знаешь... А мачеха твоя гуляла, в самом деле гуляла. Не веришь?

Игнат не хотел верить. Но сомнения все же одолевали. Может, Марина только прикидывалась умницей, а сама грешила на стороне. И отец об этом догадывался. Потому и ревновал. Потому и в тюрьму сел за убийство...

– Откуда ты знаешь? – спросил он.

– Да у меня тетка с твоей мачехой вместе работала. Она все про нее знает...

– И что она знает?

– А то, что Марина красивой бабой была. И умной. Мужиков себе с умом подбирала, чтобы с квартирой, с машиной...

– И много у нее любовников было?

Люськина тетка могла и наврать с три короба. К тому же с какой это стати она должна была раскрываться перед Люськой? А она, получается, раскрылась, рассказала про Марину. Что-то здесь ни то... Но Игнат почему-то верил Люське. Может, потому что хотел верить? Чтобы хоть как-то оправдать своего отца...

– Варька говорит, что немного. И гуляла она с умом. Любовник ее забирает, они уезжают к нему, а потом он домой ее отвозит. Так чтобы на ночь оставаться, никогда. И никаких пьяных кутежей... Варька ей завидовала. Ей-то вечно какие-то уроды попадались...

Вот оно как, тетка Люськина-то и сама с грешком. Неужели все бабы такие?

А Марина в самом деле приходила домой вовремя. Только иногда немного задерживалась. Оказывается, за это «немного» она успевала ублажить своего любовника... Игнат Люське верил. Но лучше бы она ему ничего не рассказывала. И за отца обидно. И за саму Марину. Была б его воля, он бы всем ее любовникам яйца бы повыдергал.

– А знаешь, кто у нее последним был? – не унималась Люська. – С Дольцевым она спала. Игнату показалось, что он ослышался.

– С кем? – переспросил он.

– Ну с Дольцевым, с физруком нашим...

– Врешь?

– Да чтоб мне провалиться на этом месте!.. Помнишь, ты еще обломал Дольцева, ну когда сказал, что у него штаны порваны. Вот примерно тогда он с твоей мачехой и сошелся...

И примерно в то же время отец в очередной раз заподозрил, что Марина ему изменяет, вспомнил Игнат.

– Варька говорит, что мачеха твоя голову потеряла, – Люська продолжала терзать душу. – Дольцев пешком за ней приходил, они садились в автобус и ехали к нему. С другими она садилась в машину так, чтобы ее никто не видел. А с Дольцевым она уходила на виду у всех. Так-то вот!

Отец получил неопровержимые доказательства ее измен. Потому и схватился за нож. Выходит, во всем виноват Дольцев. Это он заставил забыть Марину об осторожности. Козел!

– Зачем ты мне это рассказала? – мрачно посмотрел на Люську Игнат.

– Так мы ж про школу говорили, про учителей... А ведь это Дольцев во всем виноват. Это из-за него на тебя все взъелись... Может, он нарочно с твоей мачехой сошелся, чтобы тебе отомстить, ты не думал? Ты ж его тогда опозорил. А он в отместку опозорил тебя и твоего отца...

Игнат посмотрел на Люську как на чокнутую. Ее версия не выдерживала никакой критики. Дольцев мог сойтись с Мариной только потому, что она красивая. А по городу за собой он ее таскал только потому, что ему было на нее наплевать. Но вовсе не для того, чтобы отомстить какому-то проказнику из восьмого класса... Ну а вдруг?..

– Дольцев – урод! – зло процедил Игнат.

– И урод, и кобель! – подхватила Люська. – Ты думаешь, почему учителя тебе бойкот объявили. Да потому что Дольцев у них в авторитете. А почему? Да потому что он кобель! Я сама видела, как он Татьяну, химичку нашу трахал...

– Чего?

– Думаешь, я вру? А я не вру! Они дверь в тренерскую забыли запереть, а я туда захожу, смотрю, а он ее на столе разложил и вставляет...

– А ты какого хрена там забыла?.. Может, ты сама к нему за этим хреном приходила?

Игнат и сам не понял, зачем он это сказал. Но слово не воробей, а пуля, которая может попасть в «десятку». Так и случилось. Его догадка вогнала Люську в краску. Только что в ее глазах был виден одержимый блеск, а тут взгляд потух, подбородок опустился. Уж не физрук ли ей целку сбил?

– Что, было дело? – усмехнулся Игнат.

– Не было ничего! – фальшиво возмутилась Люська.

– А может, было?

Взорвалась она искренне:

– А если и было, тебе-то что? Ты сам как тот кобель! Думаешь, я не поняла, что ты сачкануть от меня хочешь? Хочешь и сачканешь! Все вы такие, махнете хвостом – только вас и видели...

– И что, часто перед тобой хвостом махают?

– Сколько надо, столько и махают!.. Да, я такая развратная! Нравится мне *это* дело! Ты думаешь, я одна такая, да! Думаешь, я шалава, а твоя Тонька умница-разумница, да?

– При чем здесь Тонька?

– Да притом, что Дольцев и к ней клеился.

– Ну и что?

– А то что я их недавно вместе видела!

– Где? – не сдержал своего любопытства Игнат.

– А тебе не все равно?.. Вижу, что не все равно!.. Так вот, видела я твою Тоньку. Вместе с Дольцевым. Вечером это было, темно. Они вместе шли, куда не знаю. Тонька пьяная была. Он ее за талию держит, к себе прижимает, а она улыбается, хихикает. И походка у нее такая, как будто он только что ей вдул...

– Слушай, может, заткнешься? – резко оборвал он Люську.

– Что, за живое задело?

– Да пошла ты!

Игнат быстро поднялся, оделся. Люська пыталась его удержать, но разве ж его остановишь.

Самое противное, что он верил этой потаскухе. Марина, Тонька, Дольцев, сама Люська – все перемешалось в голове.

Марины нет в живых, хотя бы поэтому думать о ней плохо нельзя. Люська – шлюха малолетняя и трепло ходячее. Дольцев – козел по жизни. Но это Игнат знал и раньше. А вот Тонька. Неужели она скурвилась, как Люська?.. Уже в пятнадцать лет она обладала роскошной фигурой. Сейчас ей шестнадцать, наверняка, ее формы стали еще привлекательней. Хотел бы Игнат взглянуть на нее, посмотреть, какой она стала. А еще лучше увидеть ее вместе с физруком на пару. Игнат его не убьет. Он просто отрежет ему его поганый отросток. И, возможно, подарит его Тоньке. На память. Если, конечно, она в самом деле блядует с этим козлом...

Чем ближе Игнат подходил к своему дому, тем сильнее становилось его желание сойтись с Дольцевым в серьезном мужском разговоре. Если это случится, растлителю несовершеннолетних воздастся по заслугам...

Игнат представлял, как он расправится с развратным физруком. Но забыл о нем тут же, едва переступил порог своего дома. Словно из-под земли перед ним вырос здоровенный мужик. Штатский пиджак и ментовские глаза.

Внутри у Игната все перевернулось. Этот мент пришел за ним, чтобы арестовать его.

Игнат развернулся на сто восемьдесят градусов, но выскочить из дома не смог. Путь ему преградил еще один мент.

Его сбили с ног, закрутили руки за спину, надели на них наручники. Игната арестовали. И он знал, за что...

Глава вторая Лева

1

Лева в присутствии девчонок никогда не робел. Наоборот, у него развязывался язык, и он мог болтать без умолку. И это при том, что в обычной ситуации слова из него не вытянешь. Другое дело – его дружок Женька. Анекдоты, шутки, прибаутки – как из рога изобилия. Но стоит появиться незнакомой девчонке – ни «бэ», ни «мэ», ни «кукареку».

Взять ту же дискотеку. Пока девчонки где-то в стороне, Женька рубаха-парень. И компашку их веселит, и Лева заскучать не дает. Но как только на горизонте появляются достойные внимания девицы, Лева хватает Женьку на буксир и вперед, на абордаж. Лева ездит по ушам, грузит девчонок лапшой, а Женька стоит и улыбается.

Сегодня они снова вышли на охоту.

Открытая танцплощадка посреди парка, теплый ветерок теребит шевелюру на Левиной голове. Одна рука в кармане, в другой сигарета, взгляд в режиме поиска. Но первым учуял добычу Женька.

– Глянь, какие ляльки.

Он взглядом показал на двух девчонок. Одна блондинка, другая шатенка. Блондинка просто супер. Но Лева едва взглянул на нее. Шатенка выглядела поскромней, чем ее подруга. Но так могло показаться кому угодно, но только не Лева. Он увидел девчонку и обомлел. А Женька толкает его в бок.

– Ну что, пошли?

На полпути Лева с ужасом обнаружил, что потерял дар речи. Но сворачивать было поздно.

Как нельзя кстати, зазвучала медленная композиция из «Скорпов». А уж пригласить шатенку на танец не составило особого труда. Может, он и не Ален Делон на внешность, но девчонкам нравился.

Лева молча взял ее за талию, нежно привлек к себе. Она не отстранилась, но и сама к нему не жалась.

До Левы стало доходить, что поиски приключений закончились. Если он сумеет закадрить эту девчонку, то привяжется к ней раз и навсегда.

Он не узнавал самого себя. Ему бы сейчас соловьем петь, как он умел это делать. Но песня застряла в пересохшем горле, поджилки трясутся. Он даже не может спросить, как ее зовут. Ничего, сейчас ступор пройдет, и язык развяжется...

Но прежде закончился танец, и нужно было отпускать партнершу. Тем более, что она сама отстраняется от него. Ну уж нет!

Лева крепко взял ее за руку.

– Ты чего? – слегка возмутилась она.

Но руку вырывать не стала.

– Ничего, – пожал он плечами. – Просто я дикий...

Похоже, он стал растормаживаться. Ну наконец-то!

– Дикий?

– Ага. Маугли меня зовут. Помнишь мультик, где я Шерхана завалил?

– Врешь ты все! – понимающе улыбнулась она.

– Вообще-то да, вру. Я не Маугли, а Лев.

– Бонифаций?

– Нет, просто Лев. Зовут меня так... Эх, если бы тебя звали Львицей, мы бы могли составить прекрасную пару, нарожать детей...

– Детей?! – у нее глаза на лоб полезли от такой наглости.

Женька уже тут как тут. Молчит как рыба, и улыбается. Блондинка рядом с ним.

– Извини, я хотел сказать, львят... Может, ты хотя бы по гороскопу Лев?

– Мой знак – Дева!

– И как зовут нашу Деву?

Ее звали Юлей. И, похоже, ее вполне устраивала перспектива стать матерью его львенка. Но только в отдаленном будущем – после долгих ухаживаний и штампа в паспорте. Во всяком случае, так думал он.

Юля жила в центре города, недалеко от парка. Кирпичная пятиэтажка, зеленый двор, на балконах плетения из дикого винограда. Чуть поодаль возвышался десятиэтажный дом из темно-оранжевого кирпича. Яркий освещенный двор огорожен сеточным забором, ярко горят фонари.

– Это элитный дом, – пояснила Юля.

– Как это, элитный?

– Да очень просто. Элита наша городская здесь живет. Горком, горисполком, горздрав, горторг...

– А-а, шишкар! Понятно... Ну и пусть себе живут, нам-то что?

Лева проводил ее до подъезда. Домой не отпускал. Да и она особенно не торопилась. Ночка темная, сверчки на своих скрипках пиликают. Цветами пахнет. И любовью. Чистой и светлой.

– Ты где учишься? – спросила она.

Вопрос Лева понравился. Если она им интересуется, значит, имеет на него виды.

– Да в техникуме учусь, на третий курс перешел.

– В каком, в торговом?

– В индустриальном. В торговый без блат не берут. А откуда у меня блат? Мать маляром на стройке работает, отец сантехником в жэке...

Юля смотрела куда-то мимо него. Казалось, она пропускает его слова мимо. Но нет, она все слышала.

– У меня отец тоже сантехник, – совсем не весело ответила она. Кивком показала на десятиэтажку. – Как раз нашу элиту обслуживает...

– Да и ляд с ней, с той элитой. Они сами по себе, мы сами по себе...

– Может быть. Но ты бы видел, как они живут.

– Как?

– Хорошо живут. Дом полная чаша, машины у всех, дачи...

– Нормально. Я тоже хочу иметь такой дом. И машину хочу, дачу хочу. Советский Союз – страна равных возможностей. Я вот после технаря в институт строительный поступать буду. Прорабом стану, начальником строительного управления. Квартиру получу, машину возьму...

Лева было всего семнадцать лет, но он уже твердо знал, чего хочет от этой жизни. Видел, как его родители живут. Мать вкалывает как проклятая за копейки, отец тоже работает, но все пропивает. Квартира однокомнатная, и это при том, что у Левы был младший брат. Вместо гарнитурной стенки старый облезший буфет, вместо приличного телевизора вечно ломающаяся черно-белая «Березка», вместо машины – велосипед, двухколесная раздолбайка. Нет, ему такая жизнь не нужна.

Может быть, когда-то и было эх, хорошо в стране советской жить. И что бы он сейчас ни говорил, время равных возможностей кануло в лету. Сейчас все решает блат. Блата у Левы нет. Но есть мечта и твердый лоб. Он почему-то был уверен в том, что сможет пробить себе дорогу в светлое будущее. И квартира у него будет, и машина, и даже дача. В планах у него

есть место и для красивой доброй жены. И Юля самая подходящая для этого кандидатура. Это девушка его мечты.

– Машину возьмешь? – улыбнулась она. – А меня покатаешь?

– Только тебя и буду катать.

– Ловлю тебя на слове!

Он попытался ее поцеловать, но она отвернула лицо, и он скользнул губами по ее щеке.

– А ты шальной! – с упреком, но без осуждения сказала она.

– Какой есть!

– И ты мне такой нравишься, – улыбнулась Юля.

Она вырвалась из его объятий и скрылась в подъезде. Но на следующий день они снова встретились. Лева с Юлей, Женька с ее подругой Леной, этой компанией они закатились на дискотеку. Было весело.

После танцев разделились. Лева пошел провожать Юлю, а Женька свою Лену. Было уже поздно, людей на улице раз два и обчелся. Может быть, поэтому Юля позволила ему положить руку на талию. А может, ей просто хотелось, чтобы он ее обнял, прижал к себе.

Они подходили к ее дому, когда рядом затормозила машина. Новенькая «семерка» белого цвета. Из машины вышли два парня. Один в кожаном пиджаке, другой в модной джинсовой куртке. Только по одному прикиду их можно было принять за представителей «золотой молодежи». Видно, ребятки жили в элитном доме, только вот чуть-чуть до него не доехали.

Лева почувствовал, как напряглась Юля. Да и ему было не по себе, ведь парни не просто так встали у него на пути. Они явно нарывались на грубость.

– Нагулялась? – в упор глядя на Юльку, хамовито спросил один.

– Тебе не все равно? – Она отвела в сторону глаза.

– А если не все равно?

– Если не все равно, то вали отсюда, пока зубы на месте! – наехал на «золотого мальчика»

Лева.

– Что ты там сказал? – смерил его тот презрительным взглядом. – Ты вообще кто такой?

– Счас в репу получишь, узнаешь!

Леву нисколько не смущало, что их двое. Отец у него не зря сантехником работает – правильно ему руки и ноги к туловищу прикрутил. И мама не подвела. Как только исполнилось ему десять лет, сдала его в секцию восточных единоборств. Сейчас каратэ вроде бы под запретом, но секция все равно осталась, только вывеска сменилась. Официально Лева занимается самбо. Надо сказать, что в сочетании с каратэ система эта очень эффективна.

– Ты дерзишь, малыш! Я хотел тебя с миром отпустить. А ты дерзишь старшим! И по праву старшего я имею право наказать тебя за дерзость.

Парень скинул с себя кожаный пиджак. Покрутил головой, поиграл плечами, до хруста в костях сжал кулаки. Типа, разминается. Видно, каратэ по «Пиратам XX века изучал»...

Он приблизился к Лева медленно, но ударил быстро. Метил кулаком в солнечное сплетение, но нарвался на жесткий блок. И тут же в его челюсть врезалась согнутая в локте рука. Вдобавок Лева провел подсечку, и парень рухнул на землю. Второй красавчик из «высшего» общества не стал пытаться судьбу и сделал ноги.

Лева злился недолго. Он даже протянул руку поверженному сопернику, помог ему встать.

– Не надо хулиганить, – сказал Лева наставительно. – А то без башки остаться можешь. И на Юлю больше не наезжай. Ты меня понял?

Парень все понял. Молча сел в машину. «Семерка» сорвалась с места в карьер.

– Откуда он такой деловой взялся? – спросил Лева с надеждой на ответ. – И что это вообще за тип?

– Рудольф его зовут. Рудольф Бердиев. Если, конечно, его фамилия тебе что-нибудь говорит.

– Ничего не говорит.

Он что, к тебе клеился?

– А ты думаешь, почему он к нам пристал?

– Ревнует?

– Может быть.

Юля как-то странно улыбнулась. Похоже, ей нравилось, что Рудольф бегал за ней.

– А я не думала, что ты так умеешь драться! – не без восхищения заметила она.

Девчонки любят, когда пацаны дерутся из-за них. И судя по всему, Юля не исключение. Особенно им нравится, когда их парни побеждают. И сейчас Юля радовалась, но никак не огорчалась. Значит, своим парнем она считает Леву, а не какого-то там Рудольфа.

А когда они оказались в ее подъезде, сама прильнула к нему.

Целовались они долго и до изнеможения. Юлька таяла в его руках.

Перед расставанием Юлька шепнула ему на ухо, что, возможно, завтра она останется дома одна. Она не объяснила, к чему это было сказано. Но нужно было быть полным идиотом, чтобы не догадаться...

Назавтра снова была дискотека. И снова Лева провожал Юльку домой. Родители ее уехали к бабушке в деревню. Лева уже получил приглашение на чашку кофе. И летел к ее дому как на крыльях.

Это была последняя остановка, перед самым ее домом. Лева прижал Юльку к себе. И лишился чувств. В самом прямом смысле этого слова...

Очнулся он в каком-то подвале. Руки связаны, голова раскалывается от боли. А перед глазами ухмыляющиеся рожи. Рудольф, его вчерашний дружок и еще два каких-то урода. За их спинами на дощатом настиле лежала Юля. Она тоже была связана по рукам и ногам. Но не так, как Лева. Руки и ноги разведены в стороны, во рту кляп...

– Вы что делаете, козлы! – заорал Лева.

Тут же Рудольф ударил его наотмашь раскрытым кулаком по лицу. Из лопнувшей губы выплеснулся кровавый сгусток.

– Это тебе за вчерашнее! – зверея, объяснил он.

– Зря ты это сделал, – на этот раз спокойно сказал Лева.

Злости уже не было. Душу разъедала холодная ненависть.

– Вот только угрожать мне не надо, – ухмыльнулся Рудольф.

И снова ударил его. На этот раз кровь выступила из рассеченной брови. Но в честном бою он – дерьмо.

– Нравится тебе Юлька, да? – спросил его дружок.

Вчера он чуть не обделался со страху, когда Лева двинулся на него с кулаками. Зато сейчас крутой до невозможности.

– Не твое дело.

– Нравится тебе Юлька, – на сей раз не спросил, а утвердительно сказал он. – Ну так и нам она нравится. Правда, Рудольф?

– Святая правда. Только мне она первому понравилась.

– Так в чем же дело? Ты первый и начнешь...

Рудольф подошел к Юльке, постоял немного, а затем сунул руки под ее платье и разорвал на две половины ее трусики...

Лева плакал от обиды. Подонки насиловали Юлю у него на глазах, а он ничем не мог ей помочь. Была б его воля, он бы убил их, не задумываясь. Но как ни старался он избавиться от пут, ничего не выходило.

Лева закрыл глаза, чтобы не видеть, как они глумятся над любимой девушкой. Но не смог закрыть уши, чтобы не слышать, как рыдает Юля...

Подонки закончили свое грязное дело. К Лева подошел Рудольф.

– Ну что, доволен?

Лева не ответил.

– Если бы не ты, Юльку б никто и пальцем не тронул. А так ее пришлось трахнуть. И ты, козел, в этом виноват!.. Я спрашиваю, ты доволен?

На тот раз Лева молчать не стал.

– Ты мне за все ответишь! – процедил он сквозь зубы.

За что и поплатился. Рудольф ударил его ногой в живот. К нему присоединились его дружки. Они били его до тех пор, пока он не потерял сознание.

Очнулся Лева в том же подвале. Лицо распухло от побоев, ребра все пересчитаны, в животе тупая боль. Юли не было.

– Твари! – сжимая кулаки, взревел он.

Ненависть была сильнее боли, жажда мести мутила разум.

Лева выбрался из подвала и оказался во дворе элитной многоэтажки. Они насильовали Юльку во дворе собственного дома. Ничего не бояться, на своих «шерстяных» папаш надеются.

Что ж, от ментов они, может, и отмажутся. А вот от Левы нет. Он уже знал, что сделает с этими мерзавцами. И за Юлю отомстит, и за себя.

Не долго думая, он отправился к ней домой. Позвонил в дверь. Тишина. Снова позвонил. Судя по всему, Юли нет дома. Куда ж тогда утащили ее подонки?..

Он уже собирался уходить, когда дверь открылась. Он увидел Юлю. Ему показалось, что перед ним стоит ее тень. Лицо белое как полотно, глаза потухшие. И на ногах она могла стоять лишь потому, что держалась за притолоку.

Лева подошел к ней, подхватил на руки, отнес в комнату, уложил на диван.

Какое-то время она обессиленно лежала, взглядом уткнувшись в потолок. Затем разрыдалась. Лева молчал. Он вынашивал план мести, и это придавало ему сил.

Под утро Юля заснула. Спала она беспокойно, то и дело со вскриком просыпаясь. Всякий раз Лева успокаивал ее, прижимая к себе, помогал уснуть. Но у самого сна не было ни в одном глазу.

Задремал он только под утро. Когда проснулся, увидел перед собой Юльку. Она сидела на диване и отрешенно смотрела на него. Он взял ее за плечо, встряхнул – взгляд ее ожил. Если, конечно, тоску и боль в ее глазах можно было назвать жизнью...

– Тебе тоже досталось, да? – спросила она почти беззвучно.

– Да ерунда, до свадьбы заживет.

– До какой свадьбы? – горько усмехнулась она.

– До нашей с тобой... Хочешь, мы поженимся этой осенью? Мне семнадцать и тебе семнадцать, в принципе нас уже могут расписать...

– И ты возьмешь меня замуж? После того, что случилось?

– А мы забудем. Мы забудем все, что случилось. Хочешь, уедем куда-нибудь. В Москву, например. В институт поступим, учиться будем...

– Неужели ты можешь все забыть? – удивленно спросила она.

– Я забуду. Но сначала рассчитаюсь с этими козлами. Я их за все спрошу! Они мне за все ответят!

– Ты считаешь, что нужно обратиться в милицию?

– При чем здесь милиция? Я сам с ними разберусь.

– Я знаю, ты сильный... Просто тебе не повезло. Я видела, как тебя ударили сзади. И потом, когда все случилось, тебя тоже били. Я видела, как они тебя били. Они вытаскивали меня из подвала, а ты лежал. Я думала, что тебя убили...

– Как видишь, я живой. И руки на месте. И в голове план.

– Какой план?

– Не скажу. Сейчас не скажу... Потом, когда отомщу!

– Ты не должен им мстить. Не должен, слышишь!

Юля со всей силой вцепилась в его руку.

– Не надо ничего делать! – Она умоляюще смотрела на него. – Не надо! Я сейчас в милицию пойду, их посадят в тюрьму за изнасилование. А ты ничего не делай, ничего!

Она боялась, что Лева убьет ублюдков. Боялась, что его за это посадят.

– Да не волнуйся ты, все будет нормально, – поглаживая ее по голове, сказал он. – А в милицию идти не надо. Менты тебя еще больше грязью оболъют. Потом не отмоешься...

– А так я отмуюсь, да?

– Так никто не будет знать, что с тобой случилось. Только я буду знать и ты.

– А Рудольф со своими вырожденками?

– Они тоже будут знать. Но никому ничего не расскажут. Побоятся... Все будет хорошо, поверь мне. Мы с тобой поженимся, уедем в Москву, поступим в институт. Трудно будет, но мы выдержим, обязательно выдержим. Все будет хорошо, ты мне веришь?

2

Вчера Рудольф подъехал к своему гаражу не один, в машине была какая-то девчонка. Лева не решился на него напасть. И продолжал выжидать. А Рудольф заехал в гараж вместе с девчонкой, закрылся с ней. Из гаража они вышли через два часа, в третьем часу ночи, распаренные и довольные.

Сегодня Рудольф подъехал к гаражу один. Лева приободрился. Надоело ему торчать в засаде в ожидании удобного момента. Но вот его час пробил.

«Семерка» напоминала гигантскую колонку на колесах: бойкие забугорные ритмы перли из всех щелей. Что ж, это даже хорошо. С музыкой умирать легче... Рудольф открыл дверцу, зашел в гараж, чтобы изнутри открыть железные ворота. Лева проскользнул в гараж вслед за ним.

Прежде чем открыть ворота, Рудольф включил свет. В этот момент Лева перед ним и нарисовался. Без разговоров пустил в ход кулаки, сбил вырожденку с ног, провел удар на добивание.

Пока Рудольф приходил в себя, он успел связать его веревкой по рукам и ногам, заткнул ему рот кляпом из грязной ветоши. Закрыл изнутри калитку – теперь он был тет-а-тет со своим заклятым врагом.

Сбоку от стены тянулись деревянные полки с инструментом. Лева отыскал взглядом здоровенные тиски. Как раз то, что нужно...

– Ну чо, Рудя, умирать будем? – оскалился он.

Тот смотрел на него с нескрываемым ужасом. И куда только недавняя спесь делась?

– Чо вылутился? Надо было меня тогда убить. А ты меня пожалел. Зря. Повеселился, падла, да? Теперь я веселиться буду!

Лева нагнулся, со всей силы ударил подонка в живот. Пока тот корчился от боли, сдернул с него штаны до колен.

С необыкновенной легкостью, как будто это был мешок с соломой, он оторвал Рудольфа от земли, швырнул на полку рядом с тисками.

Рудольф пытался вырваться, но сильный удар по темечку охладил его пыл. Лева умудрился засунуть в тиски все его мудейное хозяйство, крутанул ручку. Насильник замычал от боли. Снова задергался. Лева сильнее сжал тиски. Рудольф застыл. Он понял, что до яичницы с колбасой недалеко. – Ну что, поговорим? – выдергивая кляп, предложил Лева.

– Ты... Зачем... Ты зачем... Ты зачем это делаешь? – хватая ртом воздух, скулил Рудольф.

– Ну мало ли что, вдруг ты еще кого-нибудь захочешь изнасиловать. А так и насиловать будет нечем...

– Не надо... Не надо, я умоляю!

– Ты умоляешь?! А Юлька тебя не умоляла?

– Я... Я больше так не буду!

– Ва-у! Я что, похож на воспитателя из детского сада? Он больше не будет... Хотя ты прав! Ты больше не будешь!

С этими словами Лева крутанул ручку тисков. От воплей негодяя чуть не лопнули барабанные перепонки. Лева мог бы еще добавить оборотов, но вместо этого разжал тиски.

От боли Рудольф потерял сознание. Лева бесцеремонно скинул его на бетонный пол, разрезал веревки. И с чувством исполненного долга покинул гараж.

Домой он не возвращался. И к Юле не шел. К ней он придет, когда его миссия будет исполнена. А до этого еще далеко. На очереди еще три ублюдка. Он вычислил их всех. Знал, где они живут, как зовут каждого.

Миша Капитонов считал себя великим спортсменом. И каждое утро через парк бегал на стадион. Остаток ночи Лева провел на парковой скамейке. Ровно в шесть утра он был в полной боевой готовности. Подонок Миша не заставил себя долго ждать.

Лева подкараулил его на узкой дорожке.

– Хватит бегать, – криво усмехнулся он. – Давай попрыгаем!

– Эй, ты чего? – пробормотал Миша.

Этот тип ощущал себя крутым только в стае себе подобных. Сейчас же он был просто мокрой курицей.

– Я говорю, прыгай! – надвинулся на него Лева.

Миша прыгнул – отскочил на пару шагов назад.

– Молодец! – похвалил его Лева. – Хорошо прыгаешь, большим спортсменом будешь. А может, ты певцом хочешь быть?

– Певцом?!

– Ну да, песни петь будешь, в хоре. Слышал про хор кастратов?..

– Н-нет...

– Услышишь! И тебя слушать будут. Я тебе сейчас яйца отрежу, знаешь, как заголосишь!..

Лева вытащил из заднего кармана нож-выкидуху. Остро оточенное лезвие выскочило с пугающим щелчком. Миша чуть в штаны не навалил со страху.

– Ну что, начнем?

– А-а-а! – в ужасе заорал Миша.

Он развернулся на сто восемьдесят градусов, чтобы задать стрекача. Но Лева сбил его с ног, навалился всей тяжестью своего тела, взял на болевой прием. Осталось только провести хирургическую операцию. Но так не хотелось стаскивать с него штаны, возиться с его вонючим хозяйством.

Лева поднялся. Дождался когда Миша встанет на ноги. Собрал в одно все силы и ударил его ногой в пах. От болевого шока насильник лишился чувств. И это еще легко отделался...

Следующим был Валера Зипунов.

Лева караулил его в подъезде до обеда. Но Валера так и не появился. Зато появились менты.

Лева не сразу понял, что вошедшие в подъезд люди в милицейской форме прибыли по его душу. Смысл происходящего дошел до него лишь тогда, когда на его руках защелкнулись наручники.

Его посадили в желто-синий «уазик», отвезли в отделение милиции, бросили за решетку. Никаких объяснений, ничего. Впрочем, Лева и сам понял, за что его взяли. Видно, Рудольф и Миша дали показания и менты взялись за дело.

Ближе к вечеру его вызвали на допрос. Женщина с блеклым некрасивым лицом и уставшими глазами, на плечах погоны старшего лейтенанта.

Она оказалась инспектором по делам несовершеннолетних. Представилась. Шилова Зинаида Викторовна.

Она записала на листок его анкетные данные, неторопливо собралась с мыслями. И резко спросила:

– Сознаться будем? – И уже мягче: – Или будем проводить опознание?

– В чем сознаться?

– Как в чем? В нанесении тяжких увечий. Рудольф Бердиев находится в больнице, и ему грозит ампутация половых органов. И с Михаилом Капитоновым ситуация ненамного лучше. За что же ты их покалечил?

Зинаида Викторовна смотрела на него с нескрываемой неприязнью.

– А вы как будто не знаете. Они девушку мою изнасиловали.

– Что? – изумленно провела она бровью. – Изнасиловали твою девушку? И у тебя есть доказательства?

– Есть. Конечно, есть. Ведь они насиловали ее на моих глазах. И меня били. Вот, смотрите, ссадины на лице, синяки, да еще шишка на голове...

– Да, есть что-то, вижу... – кивнула она. – Значит, ты утверждаешь, что Рудольф Бердиев и Михаил Капитонов избивали тебя?

– Утверждаю.

– И они же насиловали твою девушку?

– Насиловали.

– Твоя девушка сообщила об этом в милицию?

– Нет.

– Почему?

– Я ее отговорил. Я решил, что будет лучше, если все останется между нами.

– Понятно. Ты решил скрыть одно преступление, чтобы тут же совершить другое.

– Я не знаю о каком преступлении вы говорите. Я всего лишь хотел восстановить справедливость. Я хотел, чтобы эти подонки никого больше не могли изнасиловать...

– Так ты у нас, оказывается, народный мститель. К счастью, ты не попал в разряд неуловимых... Что ты делал в подъезде дома, где проживает Валерий Зипунов? Его подждал? Чтобы свести с ним счеты?

– Да, – не стал отнекиваться Лева.

– Он тоже насиловал твою подругу?

– Да.

– Хорошо, сейчас ты скажешь мне, как зовут твою девушку, ее адрес. И в письменной форме изложишь все, что тебе известно об изнасиловании. И свои «подвиги» тоже опишешь...

Шилова дала ему бумагу, ручку. И оставила его одного корпеть над сочинением о правде жизни. Когда все было готово, его под конвоем отвели обратно в камеру, где он провел безвылазно две ночи. Снова допрос.

– Ну что, Купавин, твое объяснение соответствует действительности. Твою подругу Юлию Чуйкину на самом деле изнасиловали. Девушка дала показания, и они сходятся с твоими. На теле у нее обнаружены синяки, правда, экспертизе затруднительно связать их с изнасилованием. Но это уже, так сказать, детали... В общем, прокурор дал добро на привлечение насильников к ответственности. А вот что делать с тобой, а? Может, подскажешь?

– Не знаю, – пожал плечами Лева. – Вам видней.

– Напрасно, напрасно ты устроил этот самосуд. Я-то тебя понять могу, хотя с точки зрения закона ты совершил уголовное преступление. Михаил Капитонов пострадал не очень серьезно. А вот с Бердиевым ситуация куда сложнее. Он может остаться без половых органов. А если их не ампутируют, то еще не факт, что он сможет жить нормальной половой жизнью...

– А насиловать, по-вашему, – это нормальная половая жизнь?

– По-моему, Купавин, изнасилование – это такая мерзость, за которую нет прощения. Твое счастье, что я женщина, и целиком принимаю сторону твоей девушки. И тебя понимаю. Но как бы то ни было, ты нанес человеку тяжкие телесные повреждения. А это статья, по которой предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Тюрьма по тебе плачет, Купавин, тюрьма.

– А я разве не в тюрьме?

– Нет, камера предварительного заключения – это еще не тюрьма. Это цветочки. А вот следственный изолятор – это уже, считай, тюрьма, это уже ягодки. Возможно, ты еще и ягодок отведаешь...

– Почему возможно?

– Потому что я на твоей стороне, Купавин. Ты думаешь, мне делать было нечего, как по школам да по техникумам бегать и в прокуратуре пороги обивать?.. В общем, характеристики на тебя положительные. Комсомолец, спортсмен, активист, пятое-десятое. Словом, прокурору понравилось. И оправдательный мотив он нашел. Короче говоря, мы решили отпустить тебя под подписку о невыезде. Тебя такой вариант устраивает?

Устраивал ли Лева такой вариант! Да он до потолка чуть не подпрыгнул от радости. До смерти не хотелось отправляться в тюрьму.

– Только ты не думай, что на этом все, – остудила его пыл Шилова. – Следствие по твоему делу продолжается. Им будет заниматься следователь прокуратуры Галкин Николай Данилович. Ты обязан являться на допрос по первому его звонку. В случае неявки будешь помещен под стражу и отправлен в следственный изолятор... Кстати, завтра явишься к нему...

Инспекторша протянула ему повестку с печатью.

– Смотри не опаздывай!

Из отделения Лева вышел с таким чувством, словно из ада попал прямо в рай. Но радость его длилась недолго. Он понял, что свобода его вещь условная. Дело не закрыто, ведется следствие, будет суд, который может вынести обвинительный приговор. И тогда прощай, свобода.

Но он надеялся на благополучный исход. Он заскочил домой, обрадовал мать, смыл с себя тюремную грязь, переоделся в чистое. И отправился к Юле.

Она была дома. Лева думал, что ее обрадует его появление. Но она встретила его неприветливо.

– Ты зачем пришел?

– Не понял, что за дурацкий вопрос?

– Сам ты дурацкий... Зачем ты Рудольфа покалечил?

– Что?! – непонимающе уставился на нее Лева.

– Рудольфа зачем покалечил?

У него аж кровь в жилах заledenела.

– Юль, я же за тебя отомстил, ты что, не понимаешь?

– Понимаю. Я понимаю, что ты злой и жестокий!.. Уходи! – потребовала она. – Уходи и больше не приходи!

– Ах так! – вспыхнул он.

И повернулся, чтобы уйти. Но Юлька схватила его за руку.

– Прости! – прижимаясь к нему, всхлипнула она. – Сама не понимаю, что на меня нашло...

– Так я останусь? – спросил он.

– Нет, – мотнула она головой. – Уходи. Завтра приходи, ладно?

– На тебя точно что-то нашло. Тебе развеяться надо. Может, давай на дискотеку сходим. Или в кино?

– Ты спятил? Куда я пойду после того, что было?

– А что было? Ничего не было.

– Ну как же не было? Уже весь двор знает, что меня изнасиловали.

– Не понял, откуда сведения?

– Оттуда... Разболтал кто-то. И знаешь, что самое обидное? Оказывается, это я во всем виновата! Сама, мол, дала... Не надо было с милицией связываться, не надо. Ты правильно говорил, что меня грязью обольют. Так и случилось...

– Правильно, вот потому я и не стал ментов в это дело втягивать. Сам разобрался...

– Разобрался, – горько усмехнулась Юля. – А если бы ты его убил?

– Кого, Рудольфа?.. Ну а если бы и убил, тебе что, было бы его жалко?

– Не знаю, – пожала она плечами.

И отвела в сторону взгляд. Лева хотел покрепче прижать ее к себе, но она его оттолкнула. И сказала, чтобы он оставил ее в покое. Но попросила прийти завтра.

Так Лева и поступил. Но оказалось, что Юли дома нет. Зато была ее мать. Она сказала, что Юля уехала. Но не объяснила куда. И напрасно Лева пытался выяснить, где ее искать. Нетрудно было догадаться, что Галина Юрьевна просто отваживает его от своей дочери.

Шло время, а Юля все не появлялась. Следователь Галкин Леву особо не донимал. Один допрос в июле, другой в августе. И по делу об изнасиловании тоже застой. Подонки как ни в чем не бывало разгуливали на свободе, слевой встреч не искали, нигде с ним не пересекались.

Он уже было решил, что его дело спущено на тормозах. А в сентябре грянул гром.

Лева увидел Юлю. Она была в обществе Игоря Шаталова. Это был четвертый из компании насильников.

Они сели в новенькую белую «Волгу». Лева окликнул Юлю, рванул к ней. Она торопливо шмыгнула в машину. Игорь тоже не растерялся. Прыгнул за руль и ударил по газам. Только их и видели.

Не долго думая, Лева отправился к ней домой. Дверь открыла Галина Юрьевна.

– Юлю позовите! – скорее потребовал, чем попросил он.

– А ее нет.

– Как это нет? Я только что ее видел.

– С кем?

– Какая разница, с кем?

– Большая разница. Если ты видел ее с мужем...

– С кем, с кем?! – непонимающе уставился на нее Лева.

– Ты, наверное, не знаешь, что Юля вышла замуж. За Игоря Шаталова.

Леве показалось, что земля уходит из-под ног. Он не верил своим ушам. Его любимая девушка вышла замуж за ублюдка, который насиловал ее вместе со своими дружками-уродами. Это просто не укладывалось в голове. Одно из двух, или ему снится кошмарный сон, или Галина Юрьевна повредила рассудком...

– Зачем вы меня обманываете? – потрясенно спросил он.

– Я никогда и никого не обманывала, молодой человек! – гордо вскинула голову Юлина мать. – Ну как же не обманывали? Вы же знали, куда подевалась ваша дочь, но мне ничего не говорили!

– Да, я знала, где была моя дочь. Она отдыхала в Крыму вместе с Игорем Шаталовым. Но я вам не врала, я просто скрывала от вас правду. Чтобы оградить свою дочь от ваших посягательств!

Оградить свою дочь, от посягательств... Мудрено говорит Галина Юрьевна. Где ж она научилась такие речи толкать? На своей ткацкой фабрике, где работала за прядильным станком? Ах да, ее дочь вышла замуж за сына очень важного человека. Отец Игоря Шаталова заведовал городским сектором Госбанка. Величина! Теперь и к самой Галине Юрьевне на сраной козе не подъедешь.

Лева знал, где живет Игорь. Но проникнуть в дом он не смог. Консьерж не пустил его в подъезд. Лева настаивал, привратник пригрозил вызвать милицию.

А на следующий день позвонил следователь Галкин и велел явиться в прокуратуру. Лева нутром чувствовал, что ничем хорошим это не закончится. И не ошибся.

– Открылись новые обстоятельства дела, – сухим казенным голосом сообщил Галкин. – Или, вернее сказать, открылись истинные обстоятельства. А старые закрылись в виду их полной несостоятельности... Короче, врал ты все, что Юлю Чуйкину изнасиловали. И она врала. И знаешь почему? Потому что боялась давления с твоей стороны. Ты ж у нас буйный. Тебе человека изуродовать, что два пальца обмочить...

– Вы хотите сказать, что Юлю не насиловали?

– Нет. Все это чистой воды вранье. Ты жестоко изуродовал Рудольфа Бердиева. И тебе нужна была сказка, чтобы оправдаться. И ты сочинил эту сказку, а Юля тебе подыграла. А на самом деле ничего не было. Вот, смотри!

Галкин достал из папки исписанный лист бумаги, помахал им в воздухе.

– Это показания Чуйкиной, пардон, Шаталовой Юлии Сергеевны. В письменной форме она винится в том, что своими показаниями направила следствие по ложному пути. Что ты на это скажешь?

– Юля меня предала!

– Нет, она вас не предала. – Следователь перешел на «вы». – Она просто вышла из-под вашего влияния...

Предательство Юли потрясло Леву. И вместе с тем ему открылась истина. Он понял, почему она изменила свои показания, почему подставила его под удар.

Юля не вышла из-под его влияния. Ее вывели. Те самые уроды, которые ее изнасиловали.

Лева уже давно догадывался, что Юля – девочка не простая, с практическим складом ума. Лева ей нравился, но устраивал не совсем. Ее тянуло к красивой жизни.

Ее изнасиловали подонки из высшего круга. Но, как говорится, нет худа без добра. Против насильников возбудили уголовное дело, и чтобы выйти сухими из воды, они должны были чем-то пожертвовать. На закланье был брошен Игорь Шаталов. Сынок шишкаря взял ее замуж. Не так уж и важно, как это произошло – или он сделал ей предложение, или она себя навязала. Факт остается фактом – Юля вышла замуж и стала выгораживать своего мужа. И плевать, что для этого ей приходится поставить под удар Леву...

А подставила она его конкретно. Мало того, что она выставила его лжецом, так она еще украла у него оправдательный мотив. Одно дело мстить за поруганную честь любимой девушки, и совсем другое – без всякой на то причины жестоко уродовать приличных мальчиков из приличных семей.

Эти мальчики увернулись из-под удара. И вряд ли их родители на этом успокоятся. Они будут добивать Леву. Особенно будет стараться Игорь Шаталов...

Лева был взят под стражу.

Из прокуратуры его вывели под конвоем. Сначала была камера предварительного заключения, а затем следственный изолятор. Свобода как солнце скрылась за горизонтом.

Глава третья

1

Валентин Авдеев долго не верил своему счастью. Он, простой деревенский хлопчик, смог с первого захода поступить в институт. И не абы в какой, а в московский. Притом без всякого блата. Хотя, как утверждала молва, в Москве без связей можно было поступить только в один институт – имени Склифосовского.

Это же был институт сельского хозяйства. Окончив его, Валентин должен был отправиться обратно в провинцию. Такая перспектива его вполне устраивала. Это же здорово – работать агрономом в своем родном колхозе.

Он проучился всего неделю. Затем почти месяц была трудовая практика – их возили в колхоз на уборку картофеля. Для деревенского пацана это не испытание. Вчера занятия возобновились. А сегодня Валентин отправился записываться в секцию бокса.

Тренер встретил его слегка удивленным взглядом.

– Ты с какого курса? – спросил он.

– С первого.

– Новички с четырех занимались. Завтра приходи...

– Я не новичок.

Тренер с сомнением осмотрел его с ног до головы. Среднего роста, худощавый, слабо развитая мускулатура.

– Давно занимаешься?

– Четыре года.

– Не плохо. И каковы успехи? На какой разряд тянешь?

– Не знаю, – пожал плечами Валентин.

– Как это не знаешь?.. В каких турнирах участвовал?

– Ни в каких... У нас в колхозе клуб есть, мы там занимались. Когда с тренером, когда сами...

– Тренер откуда?

– Да местный. Он у нас зоотехником работал...

– Ясно, – хмыкнул тренер. – Выходит, что ты у нас самоучка. Переодевайся.

На ринг Валентин вышел в боксерских трусах собственного пошива. И сразу же оказался под обстрелом насмешливых взглядов. Тренер тоже прятал усмешку в кулак.

Он выпустил на ринг крепкого мускулистого паренька примерно его роста. По сравнению с ним Валентин смотрелся неважно. Он напоминал гадкого утенка, а соперник – бойцовского петуха.

– Работает в полсилы! – дал установку тренер.

– Понял, – кивнул Валентин.

– Да это не тебе! – хохотнул кто-то из толпы.

– Это я Китаеву сказал, не тебе, – подтвердил тренер. – Ты можешь во всю силу бить.

– Как скажете, – кивнул Валентин.

Начался бой. Китаев запорхал по рингу словно бабочка. Красиво прыгает, легко. Валентин такой прыгучестью похвастаться не мог. У них в колхозе был другой бокс. Тяжелый, деревенский, без особых изысков и мудреных правил.

Валентин твердо стоял на ногах. Но когда Китаев ударил его, он легко нырнул под его руку, отступил на шаг. Противник снова пошел в атаку, Валентин резко ушел в сторону, вер-

нулся в исходное положение и контратаковал. Левой рукой отвел перчатку в сторону, а правой ударил на поражение.

Китаев падал так же картинно, как и прыгал. Только вот подняться ему так же красиво не удалось. Глаза вращаются в своих орбитах – один по часовой стрелке, другой против, голова болтается из стороны в сторону. Тренер начал было считать до «десяти», но тут же махнул рукой. И без того было ясно, что его любимчик не сможет продолжить бой.

– Ну ты даешь! – восхищенно посмотрел он на Валентина. – Где так научился?

– Говорю же, что в колхозном клубе занимался...

– И удар у тебя колхозный! – оборвал его тренер. – Но какая мощь!.. Ты, парень, настоящий самородок. Огранки почти нет. Но ты не бойсь, я сделаю из тебя бриллиант. Знаешь что, я, пожалуй, займусь тобой индивидуально...

С тренировки Валентин возвращался в приподнятом настроении. Учеба дается ему легко, в боксе ему прочат большое будущее. И скажи после этого, что в колхозе плохие школы, и что спорт находится в коровьем загоне.

Он подходил к общежитию, когда услышал шум. Два хулигана избивали парня, наверное, такого же студента, как и он сам. Валентин решил вмешаться.

Один хулиган держал парня сзади, заломив ему руки за спину. Второй бил его в живот.

– А ну отпустите его! – потребовал Валентин.

Хулиганы вмиг бросили свою жертву. Но вовсе не для того, чтобы задать стрекача.

– Ты, плюгавый! Ты на кого варезку свою разявил? – загнусабил один из них.

Это был довольно крепкого телосложения тип в модной джинсовой куртке. И его дружок тоже был неплохо одет. Джинсы, модный свитер. И еще зеркальные солнцезащитные очки – и это в темное время суток!

– А чего вы к нему пристали? – показал на избитого парня Валентин.

Бедняга сидел на земле, не мог подняться. На Валентина он смотрел удивленно. И в то же время с насмешкой. Наверное, он тоже держал его за плюгавого. И несколько не верил, что его мучения уже закончились.

– Так мы к тебе пристанем, сопля!

Хулиган в куртке попытался ударить его ногой. Но Валентин сумел уйти в сторону. И нанес нокаутирующий удар. Он сейчас просто не мог бить иначе. В серьезной драке пощады не ведают.

Второй хулиган обрушил на него град ударов. Он здорово махал руками и ногами, но Валентин вошел в клинч и угостил негодяя убойным апперкотом. Голова ушла под лавку, ноги взметнулись к небу.

Избитый парень сам поднялся на ноги.

– Тебя как зовут? – спросил он.

– Валентин.

– С какого курса?

– С первого.

– А я с четвертого. Рома меня зовут... Круто ты им вломил! Блин, они ж до сих пор в отрубе!.. Ты что, каратист?

– Нет, боксер.

– Да какая разница, боксер, каратист. Главное, что по башке им настучал... Ты сейчас куда, в общагу? Какой корпус?

– Третий.

– Блин, и я в третьем живу... Слушай, а давай ко мне поднимемся, а? Посидим, потолкуем.

– Давай, – не стал отказываться Валентин.

Прежде чем уйти, Рома подошел к поднимающемуся с земли хулигану. И ударил его ногой в живот.

– Падла! Еще раз тут нарисуешься, я тебе башку скручу! Понял?

Парень ничего не сказал. Только с опаской посмотрел на Валентина. А на Рому – с нескрываемым презрением...

В своей комнате Рома жил один. Ковер на полу, на стене. Холодильник, цветной телевизор в углу, стол, мягкие кресла.

– Ну, как тебе мои фильдеперсы? – самодовольно спросил Рома.

– Не понял.

– Хорошо я, спрашиваю, живу?

– Не то слово. Мы вот вчетвером в комнате живем.

– А я, как видишь, один. Уметь надо...

Рома был одет так же хорошо, как и его мучители. Фирменный джинсовый костюм, кроссовки. Одежда, правда, была грязновата. Поэтому он переоделся. Это был какой-то необыкновенный спортивный костюм. Блестящая синтетическая ткань, молнии, фирменные наклейки. Никакого сравнения с безликими ширпотребовскими трениками...

– Нравится? – спросил Рома.

– Классно!

– Четыреста рэ за него отдал. Хочешь, продам?

– Ты шутишь, откуда такие деньги?

– М-да, без денег на свете жить плохо. Скучно и нелепо... Ты виски пьешь?

– Виски?! Никогда не пробовал.

– А самогонку пил?

– Ну да, было дело.

Валентин был нормальным деревенским парнем, и к своим семнадцати годам успел попробовать все прелести колхозного бытия. Самогонка, «Прима» – это само собой. А еще доярка Клава, которая однажды по пьяной лавочке отдалась ему на сеновале. К выпивке и сигаретам он относился без особого почтения. Здесь, в институте, он вообще ни разу не прикоснулся к спиртному и курить не курил. Даже не тянуло. С девушками тоже не пробовал. Но к ним он тянулся. Просто ничего не получалось...

– Так вот, браток, виски и самогон – близнецы-братья. Только знаешь, как иногда бывает, один брат во дворце живет, второй в убогой хижине. Так вот и здесь. Виски – это круто, а самогон – фуфло... Ну так чо, дернем по пятьдесят капель?

Рома достал откуда-то из тумбочки бутылку из темного стекла с красивой заграничной этикеткой. Оттуда же извлек две хрустальных рюмки, наполнил их – одну протянул Валентину.

– Ну, за знакомство!

Виски в самом деле чем-то напоминало самогон. Только вкус у него более мягкий и пьется не в пример легче.

– Хорошо живешь, – сказал Валентин.

Он уже догадался, что Роме нравится, когда его хвалят. Особенно, если эта похвала относится к его «фильдеперсам».

– А то! Стараемся!.. Как говорится, хочешь жить, умей вертеться... Кстати, я смотрю, прикид у тебя не фонтан.

– Не понял.

– Одет, говорю, ты не важно. Свитер кто вязал, мамка?

– Да нет, сестра.

– И брюки у тебя – чисто колхозный вариант. Башмаки... М-да, не легко тебе будет.

– Да нет, я на жизнь не жалуюсь.

– Это ты на серую занудную жизнь не жалуешься. А с красивой жизнью у тебя проблемы будут. Или уже есть... Ты вот скажи, у тебя хоть одна девчонка в Москве была?

– Нет.

– Вот видишь, не было. И не будет. Потому что столичные девчонки на таких как ты не западают. Короче, прикид тебе надо сменить. И с прической надо что-нибудь придумать. Есть у меня один мастер. Точнее, мастерица. Знойная, скажу тебе, баба. Кстати, могу познакомить...

– Да нет, не надо, – смутился Валентин.

– Деревня ты, самая настоящая деревня! Ты меня, конечно, извини, если я тебя обидел. Но что есть, то есть... Я беру над тобой шефство. А это значит, что я научу тебя жить. Будут и у тебя свои фильдеперсы...

– Да мне и так не плохо.

Валентин нутром чуял, что знакомство с Ромой ничем хорошим для него не закончится. Парень чересчур деловой, и при этом какой-то скользкий, ненадежный.

– Это ты сейчас так говоришь, а когда увидишь, как достойные люди живут, сразу пластинку сменишь... Тебя же Валентин зовут, да?

– А ты что, уже забыл? – Да нет, не забыл. Просто думаю, как к тебе обращаться. Валентин – это слишком официально, ты не находишь? А Валя – слишком сопливо, да? Ты же не любишь, когда тебя Валеи называют? Не любишь. Вижу, что не любишь... Придется имя тебе менять. Был Валентином, а станешь Вилли. А чо, и круто, и сердито!..

Рома говорил бойко, нахраписто. Он задавал вопросы, сам же на них отвечал. Валентин просто не успевал вставить слово. Впрочем, ему и не очень-то хотелось разговаривать с ним. Зато нравилось его слушать. Рома одной своей болтовней вносил свежую струю в его жизнь. К тому же он собирался взять над ним шефство. С одной стороны, Валентин противился этому, а с другой – было любопытно узнать, что из этого получится.

– Так, с именем твоим разобрались, – продолжал Рома. – Ты у нас теперь Вилли. Теперь со шмотками надо бы вопрос решить... Так, так...

С озадаченным видом он вытащил из-под кровати сумку, извлек из нее джинсы в целлофановом пакете, заставил Валентина их примерить.

Джинсы ему понравились. Кнопки, заклепки, нашивки, молнии на карманах. Фирма, одним словом. И к тому же они подходили ему по размеру.

– Класс! – оценивающе смотрел на Валентина Рома. – Как на тебя шиты... Вилли, это «Леви Страус». Это самый настоящий «Леви Страус»! Ты хоть понимаешь, что это значит?

– Ну штаны классные, да.

– Не то слово! Это самые накрутейшие джинсы. И знаешь, сколько они стоят? Двести рублей!

– Дорого, – уныло вздохнул Валентин.

И стал стягивать с себя джинсы.

– Да ты не дергайся, все будет на мази. Мы ж с тобой свои люди, братан. Я их тебе за сто пятьдесят отдам...

– Ты шутишь, откуда такие деньги?

– Так предкам позвони, скажи, что джинсы клевые по дешевке нашел...

– Ничего себе дешевка! Да отец за три месяца столько не получает.

– Да, бедно живет советская деревня, – посетовал Рома. – Ладно, что-нибудь придумаем... Я бы тебе эти штаны за просто так бы отдал. Но не могу. Я их сам за сто двадцать рублей взял. И то знаешь, каких трудов стоило?

– Каких?

– Да таких!

Рома воровато осмотрелся по сторонам.

– Ты думаешь, откуда у меня все эти фильдеперсы? А непосильным трудом все нажито. Ты классный парень, вижу, что тебе можно довериться. Хотя ничего такого ужасного я не делаю, просто законы у нас в стране такие ужасные. В любой стране частная торговля поощряется государством. А у нас в Союзе все шиворот-навыворот. Ты думаешь, почему в магази-

нах ничего нет, почему дефицит? Да потому что частную торговлю душат, а государственная торговля нарочно создает дефицит, чтобы шишкарки на этом наваривались... А-а, что я тебе говорить буду, ты все и сам прекрасно знаешь. И все знают, только молчат. И я молчу. Но при этом я действую. И обеспечиваю советских людей дефицитным товаром...

– Покупаешь джинсы за сто двадцать, а продаешь за двести, так я понял?

– Ну вот, и ты меня осуждаешь. Типа, спекулянт, да. А ты попробуй, купи эти джинсы! Хрена ты их где купишь! А я покупаю. Потому что знаю места... Короче, это все долгий базар, что, где да как. Скажу тебе, что джинсы эти достать непросто. Это труд, который должен быть оплачен. И оплачивает его мне та разница продажной и покупной цены. Чтобы взять товар, нужно потратить кучу времени и сжечь миллионы нервных клеток. А мне бесплатно даже молока за вредность никто не нальет...

– Я думаю, нервные клетки – это не самое страшное, – насмешливо посмотрел на Рому Валентин. – Хуже, когда тебя два крутых парня в темной подворотне подкараулят.

– Почему именно два?.. Ах, ты об этом? – болезненно поморщился Рома.

– Почему они тебя били?

– По лицу, брат, били. И по животу...

– А за что?

– Ладно. Скажу!.. Я сегодня сразу двух иностранцев сделал. Ну, в смысле, товар у них взял. Джинсы вот, все такое. А эти двое тоже хотели их поиметь, да маленько опоздали. Поэтому за меня взялись... Так-то вот, браток, жизнь у нас такая, там где деньги, там и волки. И от всех волков не отобьешься. Хорошо ты подоспел, а то бы лежать мне на сырой земле с проломленным черепом... Давай еще по пять капель!

Вдруг Рома предложил: – Хочешь работать на пару? Или боишься?

– Да не боюсь я, – неуверенно пожал плечами Валентин.

– Не боишься, но побаиваешься, я прав?.. Дело-то серьезное, Вилли. Менты фарцовщиков не жалуют, могут и в тюрьму посадить, были случаи. Но ты не бойсь, со мной не пропадешь. Если вдруг что, откупимся. Бабки на этот случай у меня имеются... Все нормально будет, вот увидишь... Да не жмись ты, браток. Я тебе хорошее дело предлагаю. Знаешь, сколько желающих со мной работать? О, вагон и маленькая тележка! А я одного тебя выделил. Знаешь, почему? Я тебе скажу, почему. Чтобы не было никаких непоняток. Ты, Вилли, классно дерешься. А мне как раз такой помощник и нужен, чтобы от волков отбиваться. Да и с головой у тебя все в порядке. И жила в тебе не слабая есть. Ты думаешь, я в людях не разбираюсь? Еще как разбираюсь. Один раз гляну, и уже вижу, какой человек. И тебя насквозь вижу. Вижу, что не гнилой ты изнутри. И дружбу ценить можешь. Если мы с тобой подружимся, ты меня точно не продашь. Правда же, не продашь?

– Не продам, – уверенно сказал Валентин.

– Ну так что, работаем вместе?

– Да я в принципе не против. Но надо бы подумать.

– Конечно же, нужно подумать. Ты думай, думай... А пока ты думаешь, я тебе кое-что покажу...

Рома подошел к одежному шкафу, вытащил оттуда нечто похожее на музыкальный усилитель.

– Знаешь, что это такое? Это видеоманитофон! – объяснил он. – Слышал о таком?

– Да что-то слышал, но краем уха.

Рома подсоединил видеоманитофон к телевизору, сунул в него в кассету, включил изображение.

Такого Валентин еще не видел. Совершенно голая баба лежала на постели, а к ней подходил такой же голый мужик. С похабной улыбкой, без всяких предисловий он поставил ее

на четвереньки. И такое тут началось... Валентин явственно ощутил, как ворохнулся в брюках интерес. Он твердел с каждым стоном, который издавала экранная шлюха...

– Клево, да? – торжествующе спросил Рома. – Могу спорить, что такого ты еще не видел!

– Не видел.

– Можно наживую все устроить. Будет точно такой же бабец. И самец тоже будет. Поревоварево, все дела... И самцом станешь ты. Само собой, без всяких видеокамер. Чисто для внутреннего пользования... А ты хочешь такую бабенку поиметь? Только не говори, что не хочешь!

Валентин хотел. Но ему стыдно было в этом признаться. Поэтому он промолчал. И продолжал пялиться в экран. Порнографическое действие завораживало.

– Поверь, если есть деньги, даже в нашей стране можно жить припеваючи. Тачки, шмотки, кабаки, бесппроблемные телки... Короче, когда на кармане есть бабки, жизнь превращается в малину...

Рома рисовал перед ним красочные картинки из цикла «Красивая жизнь». И Валентин его внимательно слушал. Ему тоже захотелось модно одеваться, иметь приличное жилье, кутить в ресторане с доступными красотками. Хотелось, но в то же время кололось. Ничего так просто в этой жизни не дается. За все хорошее нужно платить. Возможно, придется заплатить своей свободой. Ничего страшного в спекуляции не было, но за нее сажали в тюрьму... И в то же время, кто не рискует, тот не пьет шампанского.

Окончательного ответа он Роме так и не дал. Но Рома не унимался. Похоже, для него это стало делом принципа – вовлечь парня в свою авантюру.

Через пару дней после этого разговора, сразу после занятий он нашел Валентина и забрал его с собой. На такси они подъехали к какому-то многоэтажному дому. Поднялись на третий этаж, Рома позвонил в дверь какой-то квартиры.

Дверь открыла блондинка с приятной улыбкой на сочных губах. Симпатичное лицо, большие серо-зеленые глаза, прекрасная фигура. И очень крупный бюст. Даже у доярки Клавды не было таких буферов, хотя по своим габаритам она раза в два превосходила эту красотку.

Вместо того чтобы поздороваться, Рома поцеловал девушку в щеку, сунул ей в руку маленькую коробочку с духами.

– Роман, это же «Клима»! – обрадовалась она и тоже поцеловала его, но ни в щеку, а в губы.

Хотел бы Валентин заслужить такой же поцелуй. Но у него не было восхитительных духов. У него вообще ничего не было. А хотелось бы...

– Знакомься, это Вилли, мой друг! – представил его Рома.

Девушка придирчиво осмотрела его с ног до головы. Валентин готов был сквозь землю провалиться. У него не было такой одежды, как у Ромы. И вообще он выглядел ужасно.

Блондинка не выказала никакого восторга по поводу знакомства с ним. Лишь принужденно улыбнулась.

– Лика.

– Очень приятно!

Валентин порывисто схватил ее за руку, припал к ней губами. Это было неожиданно как для нее, так и для него самого. Никогда он еще не выглядел таким идиотом в собственных глазах. Но как это ни странно, Лике понравился его порыв.

– Какой ты забавный, Вилли! – жеманно улыбнулась она.

От смущения Валентин опустил глаза. Но Лика решила, что он рассматривает ее бюст, не обремененный бюстгалтером и бессовестно выпирающий из-под белой полупрозрачной блузки.

– Что, нравится? – спросила она.

Чем вогнала его в краску.

– И мне нравится, – уже более мягко сказала Лика.

И провела рукой по своей груди. У Валентина аж дух перехватило.

Уж не про эту ли блондинку говорил ему вчера Рома, когда они смотрели порнофильм? Уж не она ли может стать его партнершей в постели?.. Да он бы полжизни отдал за то, чтобы провести с ней наедине хотя бы одну ночь.

Но напрасно Валентин питал бесстыдные надежды. Чуда не произошло. Лика и не собиралась перед ним расстилаться. Рома о чем-то переговорил с ней на кухне, на этом все и закончилось.

– Вилли, ну как тебе Лика? Правда, классный бабец? – уже на улице спросил он.

– Не то слово.

– Жаль, что ты не произвел на нее впечатления. А то бы можно было вас познакомить поближе... Лика сама в прошлом году из деревни приехала. Но уже очень хорошо знает, что такое большой город. Ты ей понравился, но, увы, ты ее не устраиваешь. Ее интересуют мужчины с положением. Она любит дорогие подарки, ей нравится ездить на машине, ходить по ресторанам. Но ты же не можешь ей этого дать?

– Не могу... А откуда ты знаешь, что я ей понравился? Она тебе что, говорила?

– Ну да, говорила. Симпатичный, говорит, парень. Жаль, говорит, что мужлан неотесанный...

– Это я-то мужлан? – возмутился Валентин.

– Заметь, это не я так сказал, а она... Да ладно тебе, не расстраивайся. Найдешь себе подружку. У вас на первом курсе много деревенских девчонок. Пользуйся моментом, пока они вкус к жизни не почувствовали...

– А когда почувствуют?

– Тогда будут искать себе московских мальчиков. Или таких как я, иногородних, но упакованных...

– А ты разве не москвич?

– Вилли, ты что, с дуба рухнул? Какой же я москвич, если в общаге живу? Нет, братец, я из Таганрога. Там мои предки живут. А корни свои я уже оттуда выдернул, здесь их пустил. Меня теперь из Москвы под страхом расстрела не выживешь...

– А как же распределение?

– Какое распределение, о чем ты говоришь? Я в институте чисто из-за диплома учусь. Высшее образование, брат, это статус. А в сельское хозяйство меня никаким калачом не заманишь. Все сделаю, чтобы в Москве остаться... Короче, у меня сегодня одно дельце наклеивается. Ты как со мной или в общагу пойдешь?

– А зачем ты меня вообще с собой брал?

– Да вот, помочь тебе хотел, думал, с Ликой познакомить. Сам же видишь, облом вышел... Хотя, конечно, ты еще можешь к ней подкатиться. Но для этого тебе прикид нужно сменить, денег подкупить. Но ты же не хочешь со мной работать, откуда тогда тебе все это взять?

– Почему не хочу? Может быть, хочу.

– Так хочешь или, может быть, хочешь?

– Хочу!

Валентин сделал для себя выбор. Он дал Роме слово работать с ним и не предавать его ни при каких обстоятельствах. А он привык держать свое слово. И не отступится от него ни за что на свете. Такая вот у него натура...

2

Валентин крутился как белка в колесе. Учеба в институте, занятия в секции бокса, и он должен был еще поспевать за Ромой. А у того, как всегда, дел невпроворот.

Рома знал немало мест, где можно было раздобыть импортные товары. Но особое внимание он уделял вузам, где обучались иностранные студенты. «Дети разных народов» привозили шмотки небольшими, но постоянными партиями. У него был свой круг поставщиков, через которых он регулярно получал товар. Посещал он и другие места, где тусовались иностранцы. Особенно ему нравилось работать с поляками. В Польше вовсю работали американские магазины, и наиболее предприимчивые дельцы облюбовали для своего бизнеса Россию. Поляки толкали штатовские джинсы и майки за рубли, чтобы затем купить и увезти с собой золото и драгоценности.

Подпольный бизнес процветал. И Рома делал на этом хорошие деньги.

С виду все просто. Подошел, договорился, выгодно купил, выгодно продал. Но милиция не дремала. И Валентин знал уже немало случаев, когда фарцовщики оказывались за решеткой. Но Рома обладал потрясающим чутьем на опасность. И пока что все беды обходили их стороной.

Чуть меньшую опасность представляли конкуренты или нечистые на руку клиенты.

Людей, желающих нажиться на тотальном дефиците, в Москве было пруд пруди. Создавались целые кланы фарцовщиков. Шла скрытая борьба за место под солнцем. Однажды Роме и Валентину пришлось схлестнуться с двумя охламонами, у которых они перехватили клиента. Рома умело ушел в сторону, а право разобраться с делягами предоставил Валентину. И он разобрался. Вместо заграничных маек ребята получили русский народный сувенир в виде крепких трендолой.

Пару раз Рома нарывался на мошенников, которые всучивали ему бракованный товар. Тут Валентин ничем ему помочь не мог. Связываться с иностранцами себе дороже.

С покупателями проблем не было вообще. Советские люди строили коммунизм, но прелести капитализма прельщали их куда больше, чем призрачные надежды на светлое будущее. Импортные вещи притягивали к себе не только качеством, это был другой, забугорный стиль жизни. И люди тянулись к нему всеми фибрами души и кошелька.

Средняя зарплата рядового инженера составляла сто двадцать рублей. А стоимость джинсов «Wrangler» или «Levis» доходила до двухсот рублей, а то и больше. У иностранцев можно было взять и за сто, максимум за сто пятьдесят. Велюровый костюм стоил двести пятьдесят рр. Стоимость дубленки вообще достигала восьмисот рублей. И при этом товар уходил влет. С одного рубля Рома легко делал полтора-два.

Рома без зазрения совести прогуливал занятия, ни в каких секциях не занимался, потому свободного времени у него было куда больше. Валентин с учебой и со спортом завязывать не собирался. Поэтому он не мог поспевать за своим предприимчивым приятелем. Чуть ли не половина сделок проходила без его участия. К тому же многого от него и не требовалось. Рома сам находил иностранцев, сам договаривался с ними. Валентин всего лишь обеспечивал его безопасность.

Рома добросовестно отстегивал ему десять процентов от чистой прибыли. А Валентин так же добросовестно откладывал их на книжку. Он учился у своего приятеля делать дела. Со временем он сам собирался искать и окучивать иностранцев, покупать и продавать товар. Однажды под Новый год Рома раздобыл целую партию видеомагнитофонов. Товар он доставал без Валентина. Но взял его с собой для того, чтобы загнать видики покупателю.

Рома заехал за ним на изрядно потрепанной «шестерке», в которой находилась аппаратура. Он заметно нервничал.

– Бабыя мы с тобой заработали валом. Зато с другим бабьем проблемы. Это я про телок. Надо будет оторваться. Если нам самим оторваться не дадут...

– Это ты о чем?

– Да все о том же. Я в эти видики такие бабки вбухал! Блин, я не переживу, если нас кинут...

– А почему нас должны кинуть?

– Да потому что покупатели не фонтан. Из Армении ребята. Берут всю партию оптом. Это мне и не нравится. Как бы не кинули... Товар заберут, а бабки не отдадут, что тогда?

Рома сгущал краски. Гости из солнечного Еревана вовсе не казались теми монстрами, какими он их рисовал. Вежливые, обходительные ребята. И к тому же излишне доверчивые. Они не стали проверять качество товара. Расплатились с Ромой, забрали товар и уехали в неизвестном направлении.

Рома тоже поспешил сесть в машину. Он явно торопился поскорей разъехаться с покупателями.

– Ну вот и все! – облегченно вздохнул он, когда машина выехала на шоссе.

– Не пойму, чего ты боялся? Нормальные парни...

– Это с виду они такие. А что у них внутри, хрен его знает... Ладно, все хорошо, что хорошо кончается. Кстати, вот твоя доля!

Рома протянул ему пачку пятирублевых купюр. Выходило пятьсот рублей. В этот раз Валентин получал всего пять процентов от сделки. Ведь он не принимал участия в приобретении товара. Впрочем, жаловаться грех.

– Прикинь, братан, я чисто на десять штук поднялся. Десять штук! Был бы я агрономом, я бы десять лет за эти бабки горбатился. А так срубил по-легкому, и все дела... Блин, и почему у нас запрещена коммерция? Я бы миллионером мог бы стать... Все, проехали. Забыли о делах. Вилли, сегодня мы будем с тобой морально разлагаться. С телками я проблему решу. Короче, все будет путем...

– Про каких телок ты говоришь?

– Про классных телок я говорю! Ну, не скажу, что они девственницы, зато любой каприз...

– Мне бы с Ликой увидеться, – сказал Валентин.

– С Ликой?!.. – нахмурился Рома.

Потянулась пауза. Похоже, своей просьбой Валентин застал его врасплох. И вызвал неудовольствие.

– А почему обязательно с Ликой? – спросил Рома. – Что, других девчонок мало?

– Ну других я не видел. А Лику видел. И она мне очень понравилась...

– Да ну! А ты знаешь, чем она занимается?

– Да мне какая разница?

– Ну не скажи, если она сильно тебе понравилась, то разница есть...

– И чем же она занимается?..

Ответить Рома не успел. Их неожиданно подрезала белая «Волга». И резко остановилась. Рома ударил по тормозам.

– Козел драный! – выругался он.

И выскочил из машины, чтобы наорать на недоумка. Но тот сам вышел ему навстречу. И не один. Это были те самые армяне, которые купили у него видеомagnитофоны. Их было четверо. На всякий случай Валентин тоже выбрался из машины.

Было видно, что Рома растерялся. Но тут же постарался взять себя в руки.

– Вы как здесь оказались? – спросил он.

– Да за тобой ехали, да, – улыбнулся армянский «старейшина».

Ему было лет двадцать пять, не больше. Но держался он так, будто в его подчинении находилась вся Армения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.